

В. БАЛАШОВ
**БЕСПОКОЙНЫЕ
ПИТОМЦЫ**

61.433 ✓

КАТАЛОГ

Б

В. БАЛАШОВ
БЕСПОКОЙНЫЕ
ПИТОМЦЫ

РАССКАЗЫ

61433 ✓
Л

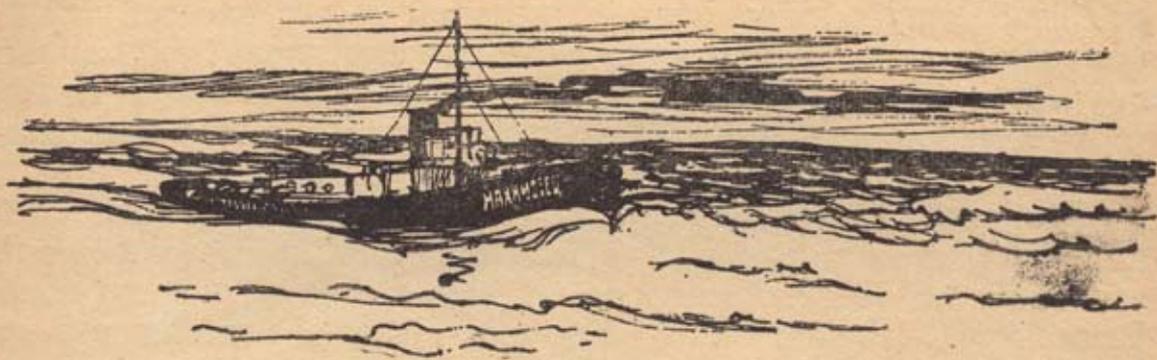
1961 г.

Областная
детская библиотека
и т. В. И. Ленина
АБОНЕМЕН

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1956

Т

Зорик

Взбудораженное ночным штормом Московское море долго не могло успокоиться. На рассвете при полном безветрии оно все вскипало бурливыми желто-зелеными волнами. Рождаясь где-то далеко, за пеленой сизого тумана, волны, гряда за грядой, накатывались на остров и хлестко бились о берег. В полосе прибоя, разгоняя в стороны хлопья шипучей пены, металась на привязи черные просмоленные шлюпки.

Вахтенный лагеря Коля Власов удобно пристроился возле костра и засмотрелся на оживленную толчею возле берега. Как всегда, в волнении моря было что-то бодрое, сильное, зовущее к действию. Сегодня мальчику особенно хотелось, чтобы за время его вахты случилось какое-либо происшествие, что-нибудь такое, требовавшее мужества, ловкости и силы. Вот, например, если б сейчас кто-то совершил нападение на лагерь! Уж он сумел бы показать, как надо защищать товарищей! Тогда бы заносчивая Линка Кулагина не посмела больше обзывать его «веснушником» и «лупленным носом»...

Но все было мирно на берегу. Пронизанный лучами раннего солнца, лес приветливо сверкал капельками росы. От палаток струился легкий парок. Море тоже не сулило никаких приключений. Невдалеке от берега лениво покачивался на волнах.

учебный катер «Нахимовец», на котором две недели тому назад команда воспитанников московского детского дома отправилась в учебное плавание. «Нахимовцу» тоже ничего не угрожало.

Нет, в это веселое погожее утро Коле Власову решительно негде было проявить себя!

Вынужденное безделье всегда влечет к воспоминаньям. Дни плаваний были так полны новизной, яркими впечатлениями, что мысли вахтенного невольно уносились в недалекое прошлое. Всю зиму Коля занимался на курсах судовых механиков и вынашивал мечту о первой самостоятельной вахте. Недавно мечта его сбылась. Как радостно было чувствовать себя повелителем всех ста двадцати лошадиных сил, заключенных в мощном судовом двигателе. Воспоминаний об одной этой вахте хватило бы надолго. Но тут откуда-то сверху раздалось вдруг тревожное стрекотание. Мальчик быстро обернулся. По ветвям старой ели проворно спускалась белка. То скрываясь в густой тени, то оранжевым комочком мелькая на солнце, белка добралась до нижней ветки и, заглядывая вниз, застрекотала еще громче. Виновник ее тревоги скрывался, очевидно, за палаткой. Вахтенный, осторожно раздвигая ветви, подкрался туда со стороны леса и вдруг присел от неожиданности. У палатки хозяйничал рыженький олененок. Пришелец обнюхал полотнище, уцепил конец мокрой расчалочной веревки и несколько раз сильно рванул ее к себе, упираясь в землю крохотными копытцами.

Коля тихонько вскрикнул. Олененок обернулся, протянул к мальчику симпатичную головку, вытаращил и без того большие карие глаза и часто-часто зашевелил блестящим черным носиком. Вся его стройная фигурка выражала крайнее недоумение. Сам не зная для чего, Коля громко хлопнул в ладоши. Что тут было!

Олененок с перепугу вихрем взлетел на крышу палатки, проваливаясь в нее задними ногами, судорожно рванулся. Палатка с треском рухнула, и громкий испуганный крик спавших в палатке девочек растревожил утреннюю тишину.

Олененок исчез, как сон. А изо всех палаток, словно муравьи из потревоженного муравейника, полезли ребята, закутанные в одеяла.

Спросонок никто не сообразил поднять поваленную палатку.

Пострадавшие тыкались внутри во все углы, ища выхода. Под прыгающим полотнищем кто-то стонал, кто-то плакал со страху, но все это заглушал заливистый хохот Лины Кулагиной.

Ее лохматая голова вдруг высунулась сквозь дыру, прорванную олененком.

— Это мальчишки свалили палатку, — сердито сказала она, перестав смеяться. — Ну погодите, мы вам тоже устроим. — И голова ее исчезла.

Наконец, девчата нащупали выход и на четвереньках поползли наружу. У Любы Беликовой на ноге оказалась глубокая ссадина от копыта олененка. Подруги сочувственно ахали, пока старшая пионервожатая Вера перевязывала рану. А Коля Власов срывающимся голосом рассказывал ребятам о подробностях налета.

К месту происшествия с катера мчалась связная шлюпка с капитаном Виталием Владимировичем.

— Что здесь случилось? — спросил он, выскакивая на берег. Шум оборвался. Коля неловко сунул винтовку к ноге и отчетливо:

— За время вахты происшествий не было. Налетел дикий олень. Сшиб палатку. Сделал дыру. Имеются раненые. Рапорт сдал механик Власов. — И заметив добродушную улыбку на лице капитана, поспешно добавил:—Честное пионерское, Виталь Владимирович, рыжий олень! И хвостик маленький, как у зайца!

Установить истинность рапорта было нетрудно: в мокрой траве остались четкие следы оленьих копыт. Труднее было вернуть ребят, убежавших по следам оленя. Горнисту приказали протрубить срочный сбор. Разочарованные «следопыты» вернулись, но в палатках долго еще продолжались разговоры, особенно в наспех поставленной палатке девочек.

Пионервожатая потеряла терпение.

— Вы скоро уляжетесь? — кричала она, бегая с одного конца лагеря на другой. — Придет еще ваш олень, не беспокойтесь. Ведь лесной остров, на котором мы живем, — это государственный заповедник. Вам же говорили раньше об этом!

Встревоженная тетя Дуся, лагерная повариха, озабоченно семеняла вокруг продуктовой палатки и причитала скороговоркой.

— Нет уж! Пусть лучше не приходит. Ведь это надо — буян какой. Да он весь лагерь начисто сметет, ребятишек насмерть забодает!

Утреннего гостя она представляла себе громадным зверем с налитыми кровью глазами, с сучкастыми рогами по пять пудов весом. И долго еще, перебирая сухие фрукты для компота, тетя Дуся с опаской поглядывала в лесную чащу.

Постепенно лагерь утих. Веселый басовитый гудок с «Нахимовца», возвещая подъем, зазвучал в это утро на час позже обычного. На берегу ключом забила жизнь. Утреннее происшествие отошло на дальний план.

После завтрака три команды отправлялись на парусные учения. Море успокоилось. По голубому простору только кое-где шаловливо извивались белые змейки пены. Один за другим на мачтах взлетели паруса. Раздалась звонкая команда, и шлюпки с легким креном унеслись в морской простор. На фоне темных елей замелькали сигнальные флажки. С «Нахимовца» давали ответные сигналы. Это связисты начали занятия по семафорной азбуке.

На палубе катера тем временем мягко шлепали швабры. Дежурные матросы, закатав штаны, нещадно драили судно.

Сквозь открытые иллюминаторы из машинного отделения и просторной классной каюты доносился деловой гул. Юные механики учились обслуживать судовой двигатель, «капитаны» и «штурманы» осваивали чтение лоцманских карт и прокладку курса.

Ровно в двенадцать начиналось самое интересное занятие. На капитанский мостик вместе с Виталием Владимировичем поднялись старшие ребята, будущие капитаны. Витя Макаров, рослый худощавый юноша, немного волнуясь, берется за ручку машинного телеграфа. Прыгнула и со звоном остановилась стрелка указателя. В тот же миг из машинного отделения послышался ровный шум, чуть заметно задрожала палуба: это юные механики пустили в ход дизель.

Вот лебедка поднимает якорь с грунта.

Стрелка машинного телеграфа прыгает на сектор «тихий вперед», и «Нахимовец», к ликованию матросов, расположившихся загорать на крыше каюты, трогается с места. Отваливая от носа пенные борозды, катер описывает по морю широкий круг. Когда носовой флагшток снова нацелился на берег, кто-то из матросов вскрикнул:

— Смотрите, смотрите, олень!

Все свободные от вахты высыпали на палубу. То, чего не видели на берегу, отлично видели сейчас с моря. Осторожно ступая тонкими ногами и вытянув вперед длинную шею, олененок, крадучись, пробирался сквозь кусты к лагерю. Видно, неумное любопытство настойчиво тянуло его к людям.

Заметив приближающийся катер, олененок не спеша затрусил прочь.

После вечерней линейки на всех видных местах около палаток были разложены кусочки хлеба, а утренний вахтенный Леня Смирнов получил строжайший наказ — потихоньку разбудить всех, если олененок появится еще.

Уже в сумерки к палатке подползла Лина Кулагина и зашептала через дверь:

— Ленька, если нас, девчат, не разбудишь, на себя пеняй! Мечтательный тихий Леня, тайно от товарищей сочинявший

стихи о «морской отваге», был рад, что его вахта начиналась в самое поэтическое время суток — на рассвете. Он видел, как розовели, словно наливаясь светом, высокие перистые облака, как раскалялись, будто березовые угли в костре, края длинного облака на горизонте.

И вот перерезанное фиолетовым облачным поясом поднялось багровое солнце. От берегов поплыли, отрываясь и тая, розовые клочья тумана. Солнце, поднимаясь, делалось таким ярким, что на него невозможно стало смотреть.

Юный поэт прищурился, отвел глаза в сторону и тут только заметил, что неподалеку от громадной ели, под которой хранились весла и паруса, стоял виновник вчерашней суматохи.

Встав передними ногами на пенек, олененок не сводил глаз с человека.

Леня на цыпочках подобрался к ближней палатке и дернул за первую попавшуюся ногу у входа. В палатке послышалось сонное ворчание, и Витя Макаров, щурясь от света и поживаясь от утренней прохлады, выполз наружу.

— Смотри, — шепнул Леня и кивком головы указал в сторону ели. Олененок стоял на прежнем месте, будто замороженный, следил за приятелями и усиленно втягивал в себя воздух.

— Надо разбудить ребят, — тихо, тоненьким голоском сказал Витя, забывая от волнения, что ему, будущему капитану, надлежит говорить басом.

— Не надо, убежит еще, — шопотом ответил Леня. — Вот, смотри, — он поднял с пенька оставленный вечером кусок хлеба, протянул его перед собой и сделал несколько шагов к олененку.

Олененок отскочил в сторону и выжидающе замер.

Леня остановился. Тогда олененок сделал к нему навстречу два осторожных шажка. Мальчик, по-прежнему протягивая хлеб, еще чуть-чуть приблизился. Олененок вытянул длинную шею и осторожно переступил через поваленное дерево.

Теперь между человеком и олененком осталось не более пяти шагов. Леня положил хлеб в траву и медленно отступил.

Олененок смешным танцующим шагом обошел вокруг го-стинца, долго обнюхивал его и, наконец, съел с видимым удовольствием.

В этот момент за спиной мальчиков кто-то удивленно вскрикнул. Олененок в несколько скачков оказался снова под елью.

Виновницей оказалась Люся Миловидова, белокурая толстушка, лагерная медсестра. Ее разбудила таинственная возня у палатки мальчиков, и она в накинутой шинели выскочила посмотреть, что случилось.

Деликатная манера знакомства с олененком была не в Люсином характере. Взбалмошная девчонка схватила кусочек хлеба, сбросила шинель и вихрем понеслась к ели. Олененок шмыгнул в лес. Люся за ним. Несколько минут было слышно, как яростно проридралась она в кустах в погоне за олененком, затем все стихло.

— Все дело испортила, шальная, — рассердился Леня. — Сейчас бы и приручили без нее. А теперь разве он придет?!

Однако скоро из леса вышла растрепанная Люся и еще издали похвалилась:

— Из рук взял, честное слово! И еще просил, жалко — хлеба не было больше!

Очевидно, в лесу олененок был смелее, чем в лагере.

В тот же день посмотреть олененка удалось всем ребятам. В полдень девочки собирали в лесу землянику. Люся Миловидова обнаружила за кустом настороженные рыжие ушки: олененок, оказывается, наблюдал за ними из своего укрытия. Девочка подкралась к кусту с противоположной стороны. Олененок проворно отскочил, но любопытство оказалось сильнее страха. Через листву протягивается мягкая ладошка, полная земляники. Ладонка тщательно обнюхивается. Земляника до последней ягодки слизывается шершавым язычком. Появляется новая пригоршня земляники, но уже подальше — надо подойти. Удалось слизнуть еще несколько сочных ягод, ладошка снова отдаляется. Вот олененок уже не идет, а бежит за лакомством. К нему уже с разных сторон протягиваются руки с ягодами. Олененок поедает землянику, прижав уши, прищурившись от наслаждения, и сам не замечает, как оказывается в тесном кольце ребят. Бежать некуда. Даже Люба Беликова, прихрамывающая, прискакала посмотреть на своего невольного обидчика. Она первая гладит олененка по гладкой шерстке. Тот вздрагивает всем телом, обнюхивает тянущиеся к нему руки и

просительно смотрит в глаза ребятам: «Ведь вы не обидите меня, не правда ли?» — как будто спрашивает он.

Впервые в жизни видели ребята дикое животное так близко.

— Ну до чего же он хорошенький! — восхищалась Лина Кулагина. — Смотрите, рожки бархатные, с веточками, копыта лакированные. А мордочка, глазки какие умные!

Олененок тянулся головкой поочередно ко всем ребятам и все обнюхивал, обнюхивал каждого с ног до головы.

Один из сигнальщиков просемафорил на катер, что олененка привели в лагерь. На берег приехал капитан. Он попросил ребят принести сухих фруктов из кладовки, и олененок после некоторых колебаний съел фрукты из рук Коли Власова.

— Ну, значит привыкнет, — сказал Виталий Владимирович. — Давайте ему имя придумаем. Он впервые на заре к нам явился, так пусть и будет Зориком. Как вы думаете, ребята?

— Зорик, Зорик! — закричали кругом. — Так и назовем его — Зорик!

Тут кто-то от восторга хлопнул олененка по узенькой спинке.

Зверек взвился на дыбы. Ребята расступились, и рогатый пленник легкими скачками умчался в лес.

Никто не думал, что после этого олененок еще раз явится в лагерь. Тем неожиданней и приятней был его скорый визит.

Когда лагерь утих во время обеда, у кладовки раздался испуганный крик тети Дуси. Все обернулись. Зорик стоял перед хлебным ящиком и бесцеремонно поедал ломоть хлеба.

Тут и состоялось, наконец, окончательное знакомство. Чего только не перепробовал олененок в этот час! Его угощали и брусникой, и малиной, и сухими фруктами, и сахаром. У гостя оказался замечательный аппетит. Он торопливо поедал гостинцы из рук и, если не сразу получал новую порцию, нетерпеливо тыкался мордочкой в ребячьи колени, требуя добавки. Тетя Дуся только ахала и горестно разводила руками, подсчитывая будущие убытки от нового нахлебника.

С той поры олененок стал быстро осваиваться в шумной ребячьей компании. Он аккуратно являлся к завтраку, обеду и ужину, чтобы получить свою порцию хлеба с солью, и с каждым разом все дольше оставался в лагере. Его диковатость день ото дня исчезала и проявлялся веселый шаловливый нрав.

Как все маленькие, Зорик любил играть. Частенько, желая порезвиться, он не больно тескал кого-нибудь из ребят рожками и пускался наутек. Олененок так легко мчался сквозь лесную чащу, что ребята далеко отставали от него. Тогда шалун останавливался и, обернувшись назад, следил за преследователями лукавым взглядом. Едва дети подбегали вплотную, он стрелой срывался с места, и погоня продолжалась.

Позже появилась новая игра — «в пугалки», как называли ее ребята. Играли так. Ребята гурьбой вставали на поляне. Олененок убегал в лес. Несколько минут проходило в напряженном ожидании. Вдруг рыжий бесенок вылетал из-за какого-нибудь куста и ураганом устремлялся на ребят с выставленными вперед рогами. Буквально в двух шагах от толпы Зорик ловко отскакивал в сторону. Но часто ребята не выдерживали напряжения и с криком разбегались в стороны. Такой конец олененку нравился больше. В его глазах загорался довольный огонек: «Вот, мол, до чего я сильный и страшный!»

Один раз в такой игре Зорик чересчур увлекся и сшиб на

землю маленького Леню Огарева. Надо было видеть, как растерялся сам виновник. Зорик обвел всех удивленным взглядом, будто спрашивая: «Как это могло так нехорошо получиться?» Потом стал легонько толкать мальчика под бок носом: «Вставай, мол, в игре всякое бывает».

...В один из воскресных дней проводилась военная игра. Ребята первого отряда в семь часов утра вышли на веслах к небольшому островку километрах в пяти от лагеря. Там они спрятали лодки и замаскировались сами. Через час на этот же остров под парусами отправился второй отряд, перед которым стояла задача: обнаружить замаскированного «противника» и его транспорт.

Когда одна шлюпка второго отряда была уже готова к отплытию, Лина Кулагина толкнула в нее Зорика, который, ничего не подозревая, прыгал взад и вперед по узкой доске причала. Зорик кинулся было назад, но между лодкой и причалом уже заблестела полоса воды. Глядя, как ширилась эта опасная полоса, а родной берег все дальше отступал от шлюпки, Зорик печально замычал.

Всю дорогу он простоял на корме, с тревогой глядя на удаляющийся берег. Со второй шлюпки, которой правил сам Виталий Владимирович, просемафорили флажками: «За то, что взяли без разрешения Зорика, отряд проиграл десять очков до начала игры».

Главным судьей в игре был капитан. Это было его распоряжение.

— Все из-за тебя, Линка! — упрекнул Витя Макаров, капитан первой шлюпки. — Тебе теперь одной трех противников найти надо, чтобы положение выправить.

— Подумаешь, — протянула заносчиво девочка, заправляя волосы под бескозырку. — Да я их одна всех выловлю, а ты сиди и только очки подсчитывай: по пяти очков с носу.

— Посмотрим!

Как только под кромкой паруса показался берег, Зорик перебежал на нос и замер неподвижно, жадно втягивая в себя запахи земли.

— Ребята! Зорик едет! — раздался чей-то неосторожный голос с острова, когда шлюпка со свернутым парусом по инер-

ции скользила к берегу. Голос упал сверху, из густой листвы старой ветлы.

Лина торжественно взглянула на Витю Макарова.

— Слышал? Вот Зорик их и выдал. Там, на этой ветле, небось, целый выводок сидит.

И в самом деле. Едва разведчики вслед за олененком выскочили на берег, с дерева на землю было ссажено пятеро смущенных «противников».

— Вот вам уже двадцать пять очков! — торжествовала Лина.

Зорик тем временем успел обежать островок кругом и носился по лужайке, подсакивая боком. Как он радовался, что под копытами оказалась снова твердая надежная земля!

Шлюпки «противника» нашлись сравнительно быстро, хотя одна из них была искусно замаскирована в густых камышах, а вторая даже затоплена водой и лежала на дне. «Матросов» отыскать было куда труднее. Их по одному извлекали из самых неожиданных мест. То в густых камышах чуть засинеет чья-то бескозырка, то приглушенное покашливание раздавалось в дупле старой ивы, то вдруг, отвалив в сторону громадную полусгнившую колоду, «разведчики» обнаруживали под ней притаившегося «десантника». К полдню, обшарив весь островок до последней канавки, облазив все деревья и кусты, разведчики набрали четырнадцать «пленных». Нехватало Коли Власова и маленького Лени Огарева.

Виталий Владимирович стал чаще поглядывать на часы. В условиях игры значилось такое правило: если через четыре часа с момента высадки «разведчиков» оставался ненайденным хотя бы один «десантник», то каждые полчаса последующих поисков «разведчики» теряли по десяти очков в пользу «десантников».

Четыре часа истекли. Азартные поиски продолжались! У дежурных поваров давно сварилась картошка с мясными консервами (аппетитный запах так и звал к костру), но «разведчикам» было не до еды.

Солнце пекло беспощадно. Разморенные «разведчики» в одних трусах и тельняшках суетливо обшаривали островок, заглядывая чуть не под каждый куст.

— Тридцать семь баллов! — пробасил измученный Витя Макаров, вытирая кулаком вспотевший лоб. — Ведь не в облаках же они спрятались.

«Пленные десантники» успели выкупаться в море и сейчас, уплетая за обе щеки картошку с душистой тушонкой, заговорицы перемигивались.

— Второй отряд потерял десять очков! — громко объявил Виталий Владимирович. — Первому приписывается столько же.

Прошло еще полчаса. «Десантники» с наслаждением развалились на полянке под густой ивой. Немало язвительных острот выпало на долю обескураженных «разведчиков».

Лина Кулагина подсела к костру и протянула чистую миску дежурному коку:

— Дай-ка поешь, Люся, не могу больше!

Торопливо прожевывая еду, девочка продолжала поиски. Она переводила нетерпеливый взгляд от куста к кусту и старалась представить, куда же могли спрятаться хитрые ребята.

На лужайке между кустов стоял маленький, аккуратно очесанный стожок сена. «Разведчики» сразу после высадки обследовали этот стожок, даже потыкали в него прутом. Сделано это было только для собственного успокоения: кто бы мог спрятаться внутри, если стожок расчесан травинка к травинке и на земле не валялось ни клочка сена?

Но вот поведение Зорика заинтересовало Лину. Олененок вначале время от времени спокойно пощипывал по клочку сено из стога, а сейчас вел себя как-то странно. Он внимательно обнюхивал стожок со всех сторон, зарываясь в сено всей мордочкой, а потом отскакивал в сторону, тревожно фыркал и снова принимался нюхать.

— Ребята! За мной! Нашла! — вскрикнула Лина и, отбросив миску, сорвалась с места. За ней бросилось еще трое ребят из второго отряда.

Стожок быстро подкопали и... вытащили из-под него потного с прилипшим по всему телу сеном Колю Власова. Пленник облегченно вздохнул и кинулся к морю купаться, а «разведчики» с удвоенной энергией принялись за поиски. Но Леня Огарев исчез бесследно.

Солнце заметно клонилось к горизонту. «Разведчики» поочередно пообедали и бродили по острову без всякой надежды на успех, в пятый раз проверяя уже обшаренные места.

— Первому отряду приписывается сорок очков! Общий счет второго отряда — пятьдесят очков! — объявил капитан Виталий Владимирович.

— Сдавайтесь, — закричали «десантники» «разведчикам». — Хотите ничью — мы вам его покажем!

— Не надо! Найдем сами! — прохрипел Витя Макаров.

Наконец, «разведчики» измучились окончательно. Один за другим они в изнеможении опускались на траву, стараясь не глядеть на ликующих «десантников».

Виталий Владимирович снова вынул свои морские водонепроницаемые часы. Истекали решающие минуты. Второй отряд явно проигрывал операцию.

Зорику тоже надоела игра. Он прокопал в песке дырку копытцем рядом с тем бугорком, на котором в усталой позе сидел расстроенный Витя Макаров. Затем принялся старательно расширять ее. Во все стороны полетел песок.

— Пошел ты! — замахнулся на олененка Витя. — И так сил нет!

Зорик отскочил, но тотчас снова принялся за свою работу, временами приставляя к дырке нос и настораживая уши.

— А ну-ка, постойте! — протянула Лина Кулагина, поднимаясь с места. — Тут что-то не так. Тащите-ка сюда лопату из лодки.

Бугорок, который ничем не отличался от окружающей местности, был в несколько минут разрыт. Под ним оказалась громадная перевернутая вверх дном овощная корзина. В трех местах от корзины отходили норки для доступа воздуха, накрытые сверху для надежности толстой ивовой корой.

— А ну-ка, раз-два взяли! — скомандовал повеселевший Витя, уцепившись за нижний край. Корзина под дружными усилиями взлетела на воздух. Никого не удивило, что под ней оказался малевский герой, который ради чести своего отряда провел под землей несколько часов.

— Так вот зачем им понадобилась эта корзина! — удивленно воскликнул Виталий Владимирович. — А я еще подумал утром: с какой целью Коля Власов так дипломатично подъезжает к тете Дусе.

«Десантники», насколько было возможно, позаботились об удобствах своего добровольного узника. На дне ямы было постелено сено, оставлена фляжка (сейчас уже пустая) и бутерброд.

Малыш долго щурился и потягивался, прежде чем вылез из ямы, а затем сразу осведомился о счете игры.

Выигравшей стороной оказались «десантники», так как Виталий Владимирович учел невольное, но весьма ценное участие Зорика на стороне «разведчиков».

При сборах в обратный путь олененок без сопротивления дал водворить себя в шлюпку, и четыре команды с песнями отчалили от островка, на котором провели они этот хлопотливый, но веселый день.

На другое утро Зорик, как обычно, своим грациозным танцующим шагом подошел за завтраком к продуктовой палатке. Лина Кулагина, подчеркнуто твердо ставя ногу, промаршировала к нему, отдала честь, встала по стойке «смирно» и торжественно возвестила:

— За храбрость и мужество, проявленные в ловле «десантников», Зорик награждается голубой лентой из моей собственной прически!

С этими словами она повязала на шею «герою» вчерашней игры голубую ленту. Но у олененка были свои понятия о красоте. Он комично скосил глаза на обновку, замотал головой и вдруг стремительно умчался в лес. Через десять минут «герой» вернулся уже без украшения. Порванную ленту Лина нашла далеко от лагеря висящей на сучке.

Зорик стал навещать лагерь так часто, что тетя Дуся вынуждена была держать возле себя прут. Олененок страшно мешал поварихе, поминутно выпрашивая гостинцев. К тому же она побаивалась олененка.

— Ведь бессловесная тварь, — говаривала она. — Кто знает, что у него на уме? Пырнет вот рогами! А они у него вон какие! Даром, что сам небольшой!

Однажды ребята крупными буквами написали записку, прицепили ее Зорику на рога и незаметно подтолкнули его к тете Дусе. Та сбегала в палатку за очками и прочитала по слогам:

«Говорить не умею. Прошу письменно: тетя Дуся, дай компоту. Зорик». Поварихе шутка понравилась. Она рассмеялась и вынесла просителю целую горсть сухих фруктов.

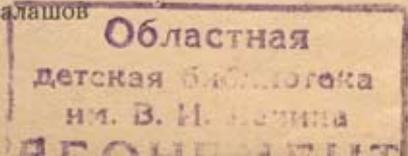
Эту шутку ребята повторяли в разных вариантах много раз, и олененок уже привык: если к рогам что-то привязано, можно смело бежать к продуктовой палатке и требовать лакомства.

Таким образом ребята не раз отделялись от надоедливых приставаний олененка.

Ягодный сезон продолжался, и юные туристы с пионервожатой ежедневно отправлялись в глубь острова по ягоды. Зорик стал увязываться за ними, но требовал за свое сопровождение львиную долю всего сбора. Он подталкивал рогами то одного, то другого, напоминая о том, что он здесь и хочет ягод. Когда это надоедало, кто-нибудь из сборщиков кричал:

— Звеньевой! Настрочи ему записку. Пусть тетю Дусю навещает!

Звеньевым вменялось в обязанность носить всегда записную книжку и карандаш для учета ежедневных вахт. Шуточная

записка составлялась тут же на месте, и Зорик метеором мчал ее на рогах в лагерь.

В то время никто, конечно, не думал, что быстроногий рогатый письмоносец сослужит благодаря этой нехитрой выучке неоценимую службу людям.

...Пестрым хороводом проносились веселые дни отдыха и занимательной учебы. Ребята в совершенстве освоили греблю, слаженно выполняли команды на парусных учениях, самостоятельно водили тяжелый катер. Взрослым все реже и реже приходилось давать наставления при плаваниях.

Стали готовиться к большому плаванию в Калинин. «Нахимовец», начищенный и подкрашенный, начал постепенно принимать в трюмы походный груз. В каютах, в машинном отделении и на капитанском мостике все сверкало такой чистотой, будто катер только что сошел со стапелей. За день до отплытия дежурный радист принес капитану тревожную сводку погоды: надвигался сильный шторм.

...Первым вестником бури опустилась на землю мертвая тишина. Расплавленным оловом замерло море под палящим небом. Ни колыхания, ни рябинки на всей бескрайной блестящей водной глади. В жаркое марево закутался дальний берег. Стихли все голоса в лесу. Природа ждала бури настороженно, молчаливо.

С полдня на западе начали расти молочно-белые облачные столбы. Вслед за ними медленно, будто с усилием отдираясь от земли, поднималась у горизонта дымная туча. Так же медленно, неотвратимо туча наваливалась на солнце и разом похоронила его под своим черным крылом.

Вот вырвался из-под нее свежий сырой ветерок, причесал потемневшее море белыми гребешками, прошумел листвой на берегу и застрял где-то в лесной чаще. Не успело море успокоиться от первого порыва, как туча дохнула настоящим ураганом.

Далеко отставая от ветра, по морю покатился первый взьерошенный вал. Затрещали обломанные сучья в лесу. Охнуло где-то поваленное дерево. Из черной тучи выпала широкая лента молнии и с диким грохотом провалилась в море.

Ребята спешно заканчивали авральные работы: ставили

шлюпки на дополнительные штормовые расчалки, откатывали бочки от берега, закрепляли палатки.

Все с тревогой посматривали на катер. Там кроме капитана и старого механика Василия Михайловича дежурила спецвахта из старших ребят, уже третий сезон проводивших на воде.

«Нахимовец» торопливо готовился к шторму. Вдоль палубы забелели протянутые штормовые леера, задраивались последние люки, из трубы лихорадочным пульсом выбивался дым — машина уже работала.

— Ну что они не снимаются? Чего ждут? — чуть не со слезами простонала Люся Миловидова. — Ведь волны, глядите, уже через кринолин перекатываются!

И в самом деле, на судне что-то не ладилось. «Нахимовец» то взлетал на волнах, то проваливался между ними по самую палубу, но с места не трогался. На носу, у якорной лебедки копошились фигурки в брезентовых штурмовках.

Береговая команда бросила работу, хотя одна шлюпка оставалась незакрепленной. Все с нетерпением ждали отхода катера.

— А знаете что, ребята! — в волнении крикнул Леня Смирнов. — Ведь это они с якоря сняться не могут. Смотрите, как нос зарывается, когда лебедку включают! Значит, якорь в грунте...

Последних его слов никто не разобрал из-за оглушительного громового раската. И в тот же миг дружное «ура» полетело с берега в грохочущее небо. «Нахимовец» вдруг легко взлетел на волну, лихо развернулся, подмигнув берегу всеми ходовыми огнями и помчался в ближайшую бухту, расстилая по волнам пенный шлейф.

Теперь, когда катер ушел в безопасное место, ребята повеселели. По берегу здесь и там замелькали серые штурмовки. Ведь не каждому в жизни удастся увидеть настоящий шторм!

Ветер все крепчал. С моря на берег неслась под его напором мелкая водяная пыль. Темные волны, поблескивая стальными переливами, взъерошиваясь пеной, атаковали остров.

Тетя Дуся стояла в толпе ребят, вздрагивая при ударах грома, и пугливо пятилась от воды, когда бурливая волна стремительно катилась к берегу.

— Страсти-то, страсти-то какие! — повторяла она. — Вот разгулялась непогодка!

Пионервожатая Вера, стараясь перекричать рев ветра, скомандовала:

— По палаткам! Живо!

В ту же минуту грянул ливень, и юные туристы сами помчались под защиту полотняных крыш.

На берегу осталась штормовая вахта — Леня Смирнов и Лина Кулагина. Они уселись под фанерным навесом полевой кухни и, не отрываясь, смотрели на бушующее море.

Внезапно Леня схватил Лину за мокрое плечо.

— Смотри-ка, в такой шторм вышли. И не боятся нисколько!

За густой сеткой дождя, тяжело ковыляя в волнах, тащился по морю мощный буксир, волоча за собой три длинные черные баржи.

— Наверно, капитан думал, что успеет зайти в Волгу до шторма, — предположила Лина. — Да разве с такими «сундуками» проскочишь быстро-то! Ты смотри, ведь они почти на месте стоят. Не справляется буксир с волнами-то.

И в самом деле, с берега казалось, что караван невпопад пляшет на волнах, не двигаясь с места. Но это только казалось. Из трубы буксира валил густой дым, машины работали на полную мощность, и баржи медленно подминали волны своими тупыми носами. Постепенно караван стал удаляться и через полчаса скрылся совсем за пологом дождя.

— Где-то наш Зорик сейчас, — вслух подумала Лина. — Вот уж, наверно, страху натерпелся, бедняга! Он сегодня, еще когда жарко было, ушел и..

— Стой!.. — вдруг перебил ее Леня. — Ведь это нашу шлюпку сорвало! Ну да, она и есть!

Среди волн, кланяясь во все стороны высокой белой мачтой, качалась пустая шлюпка. Ветром ее несло вдоль берега по тому направлению, в котором недавно скрылся караван.

Лина проворно вскочила с места.

— Вот, проворонили, не поставили штормовые расчалки! — возмутилась она. — Ты, Ленька, следи здесь за остальными, а я побегу по берегу. Ее на Дальнем мысу выбросить должно. Там закреплю в случае чего.

И не успел Леня что-либо ответить, вахтенная уже мчалась по мокрому песку вдогонку за удаляющейся лодкой.

Вскоре она поровнялась с лодкой и остановилась, чтобы перевести дыхание. В этом месте, за поворотом, ветер гнал волны вдоль берега, и Лина прикидывала в уме, выбросит ли лодку волнами на далекий мыс или пронесет стороной.

Пока все шло благополучно. Шлюпка, как легкая пробка, подсакивала на волнах и оставалась в пределах видимости. Дождь, к счастью, прекратился. Только тугой порывистый ветер сметал с листвы мелкие брызги и хлестал ими в разгоряченное лицо. Лина откинула на спину капюшон штурмовки и побежала быстрее. В нескольких местах она перескакивала через поваленные деревья, переходила вброд разлившиеся ручьи. Сердце бешено колотилось. Отдыхать было некогда — лодку неумолимо уносило вперед.

Вот обозначился впереди лесистый мыс. Серой полосой он далеко уходил в море. У его берегов извивалась видная даже отсюда белая кромка прибоя.

Теперь уже не очень далеко. Как назло, встретился на пути частый кустарник. Боясь упустить лодку из виду, Лина торопливо стала пробиваться сквозь мокрые кусты. Ей послышалось, что кто-то ломится сзади за ней следом. Это заставило ее прибавить шаг. Теперь сомнения не было: преследователь бежал за ней по пятам. Не помня себя от страха, девочка помчалась вперед что было сил и вырвалась на просторную полянку.

Здесь она рискнула, наконец, оглянуться... И сразу остановилась. Перед ней был Зорик — жалкий, с прилипшей к телу шерсткой. Он смотрел на Лину испуганными глазами и, казалось, просил защиты от разбушевавшейся стихии.

— Ну тебя, Зорик, — сблегченно вздохнула Лина. — Напугал как! Не до тебя сейчас. — И она бегом пустилась вперед так как лодка виднелась уже далеко. Олененок проворно затрусил за ней.

Заветный мыс все приближался. Вот уже можно различить отдельные деревья. Волны в этом месте плашмя колотились о берег. Высоко вверх взлетали белые столбы воды.

Лина обежала последнюю бухточку и вступила на мыс. Над головой басовито гудели вековые сосны, слева клокотало море.

Волны лобовой атакой разбивали этот берег, и громадные пни, подмытые водой, выставили навстречу волнам узловатые длинные корни. Казалось, будто сотни гигантских пауков размахивали косматыми лапами, обороняя берег от взбесившегося моря.

Шлюпку несло к берегу. Расчет оказался верным. Высокая волна подхватила ее на свой крутящийся гребень и свирепо швырнула на берег, затем, полузатопленную, опять стащила за собой. Следующей волной шлюпку подкинуло вверх, и она намертво застряла кормой между двумя коряжистыми пнями.

Лина, не веря такой удаче, спотыкаясь, побежала к лодке. Конец оборванной цепи свисал от носа лодки до самых пней. Девочка, цепко хватаясь за корни, подобралась к лодке и надежно привязала цепь за толстый пень. Несколько раз ее с ног до головы обдало волнами. Но разве с этим можно считаться, если шлюпка, наконец, спасена?!

Шатаясь от усталости, Лина отступила к первой сосне и повалилась на мокрый песок. Зорик будто того и ждал. Он подогнул трясущиеся коленки, улегся рядом с девочкой и положил мокрую головку ей на колени.

Кажется, впервые олененок так добивался человеческой ласки.

— Ничего, Зорик, ничего, — успокаивала его Лина, глядя дрожащей от усталости рукой. — Ты не должен бояться. Ты уже большой, почти с меня. Все будет хорошо. Сейчас отдохнем и пойдем в лагерь. Компот будем кушать. Давай-ка, песок разроем, а то сверху сырой очень...

Девочка вырыла между обнаженных корней две ямки — для себя и для олененка. Внизу песок был сухой, даже чуть теплый. Лежать в ямке было очень приятно. Лина обняла олененка за шею и закрыла глаза.

Ветер почти не залетал сюда. Он убаюкивающе гудел в вершинах сосен, море мерно колотило волнами в берег. Хотелось спать. И девочка, наверно, уснула бы, если бы не коснулись ее слуха тревожные продолжительные гудки с моря. Зорик вздрогнул и поднял голову. Лина тоже поднялась на локтях.

По волнам ковылял уже знакомый караван. Значит, Лина перегнала его. Буксир далеко огибал острый мыс, но шквальный ветер гнал баржи к берегу. Волнение в этом месте было особенно

сильным, и буксир явно не справлялся... Но что это? Последняя баржа отстает. Вот она медленно разворачивается боком к ветру. Ее несет сюда... Она оторвалась...

Сердце у Лины тревожно забилось. Что же будет?! В такой шторм баржу в щепки разобьет на мели. А ведь на ней определенно люди! Что делать? Чем помочь?! «Нахимовец»... — мелькнула мысль. — Он сильный, он поможет... Только бы успеть добежать!..

— Бежим, Зорик, бежим!

Обратно бежать труднее. Усталость еще не прошла. Встречный ветер упирается в грудь, ноги подкашиваются... Слетела бескозырка. Не до этого. Мокрая штормовка надувается, не дает бежать. Долой ее! Теперь полегче. Только бы успеть! Только не было бы уже поздно!..

Зорик скачет рядом. Глупый, ничего не понимает. Мокрые кусты бьют по лицу. Наплевать. Скорей! Скорей!..

Поваленная сосна на пути. Обежать кругом некогда. Прыжок. Нога застревает в обломанных сучьях, и девочка навзничь летит на землю. Вскакивает. Падает снова. В левой ступне жуткая боль. Пытается подняться и со стоном валится опять. «Наверное, сломала ногу... Что же делать?»

Минуты две Лина неподвижно лежит на мокрой траве. Если не шевелиться, то ногу не так уж больно, но двигать ею нельзя.

Зорик участливо склоняется к пострадавшей.

— Уйди? Разве ты сможешь?

Лина напряженно думает. Сейчас вот, скоро-скоро баржу разобьет. Люди будут тонуть, звать на помощь...

«Стоп!.. Записку... Зорик таскал записки тете Дусе. Может быть, он и сейчас?..»

Лина проворно шарит в карманах. Прекрасно! Записная книжка, пусть промокшая, в кармане тужурки. Вот и карандашик. Нетерпеливо листает книжку. В середке попадает сухой листок. Так... Что же писать?..

«У Дальнего мыса погибает баржа, на ней люди, спасайте, семафорьте «Нахимовцу». Скорей, скорей!» — Так... О себе пока ничего не надо.

— Зорик, подойди, милый, поближе. Еще поближе. Вот так... Чем же привязать?

Лина быстро расшнуровала ботинок на здоровой ноге.

— Ну, Зорик, спокойно! Да не верти головой, глупыш ты этакий! Вот так. Беги теперь. К тете Дусе за компотом. Понимаешь?! Ну, что же ты стоишь? Беги, тебе говорят! В лагерь! Понимаешь?

Зорик оторопело смотрит на лежащую девочку и не трогается с места. Лина вдруг заплакала от отчаяния. Олененок участливо потянулся к ней. Лина вырывает еще чистый листок из блокнота и натывает его на веточку рога.

— Теперь понимаешь?..

Олененок покосился глазами на белый листок, тряхнул головой, потоптался на месте... и вдруг кинулся бежать к лагерю.

Лина улыбнулась сквозь слезы. Уж этот доставит во-время! Зорик не опоздает... Вот он мелькает между кустов на дальнем повороте.

— Милый, милый Зорик! Только скорей!

С трудом преодолевая боль, Лина садится на поваленное дерево. Отсюда видно море. С караваном творится что-то непонятное. Буксир отцепился от двух последних барж и, проваливаясь в волнах, идет на помощь оторвавшейся барже. Ее уже отнесло совсем близко к берегу. А первые две стоят на месте. Наверное, бросили якоря.

Вот буксир, покачиваясь и гудя, подходит к одинокой барже. Вот подцепил ее. Тащит к остальным.

Лина облегченно вздыхает. «Может быть, все обойдется? Тогда зачем же я, дура, такую тревогу подняла? Ничего еще не понимаю в морском деле, а думаю — погибнет баржа. Теперь ясно: все будет благополучно. Нет. Опять что-то не так! Из оставленных барж одна стоит на месте носом против волн, как и полагается, а вторая, медленно покачивая бортами, разворачивается боком к ветру и уходит, уходит к берегу. Сорвалась с якоря.

Буксир отчаянно гудит, поворачивает вслед за оторвавшейся баржей. Первая баржа, которую он тащит сзади, мешает ему. Она все время пытается сбить с пути буксирик, который по сравнению с ней кажется совсем крошечным. В такой шторм он едва справляется и с одной баржей.

Вот, наконец, догнали беглянку. Что-то долго толкуются на

месте. Сцепили... Медленно разворачиваются против волн. Вот встали против ветра. Волны столбами взлетают у тупых носов барж. От винта буксира поднимается высокий пенный бугор. Как ему трудно! Баржи стоят на месте, нисколько не движутся вперед. Вот, кажется, поползли. Но медленно-медленно.

Лина снимает ботинок с больной ноги. Стопа до неузнаваемости распухла. Боль не очень сильная, но едва девочка попробовала ступить на ногу, как вскрикнула, будто от ожога. «Нет уж! Как ни холодно, лучше подождать помощи здесь».

Опять гудки. Лина оглядывается и вздрагивает. Вторая баржа снова оторвалась от буксира. Ее несет сюда. Буксир весь содрогается от усилий, но не трогается с места, хотя сейчас на прицепе у него осталась только одна баржа.

«Ну когда же кончится эта история?.. А почему вдруг волны стали перекатываться через буксир? Ах, вот что: он сидит на мели! Отсюда видно, какие грязные волны бегут от его винта. Это он со дна такую муть поднял!»

Томительно долго тянутся минуты. Баржу несет прямо к берегу. Что же будет теперь?!

Все ближе, ближе с каждой минутой ее длинное черное тело. Мечутся люди на палубе. Бегут к корме. Там болтается на канате затопленная лодка. Вот кого-то спускают на веревке. В руке у человека ведро. Наверно, думают вычерпать воду из лодки и спастись в ней...

Но где там! Беднягу сразу накрыло волной, выбило ведро из рук. Его снова поднимают на палубу.

А как быстро приближается баржа. Даже лица людей стало видно. Вот из палубного домика выбежала женщина с ребенком на руках. Рядом с ней девочка лет восьми. Побежали к корме, вернулись. Заметались в панике по палубе... Что теперь будет?!

Вот опять гудок. Но какой-то далекий. Это уже не сиплый голос буксира. Да ведь это голос «Нахимовца»! Только у него такой свежий музыкальный бас!

А вот он и сам вырвался из-за ближнего мыса. Мчится сюда. Да не ползет, как буксир, а именно мчится, несмотря на такой шторм. Красавец! Он не подминает волн под себя, а рубит их своим высоким волнорезом. Снежно-белые валы стеной вздымаются вдоль его бортов.

Лина нетерпеливо бьет здоровой ногой по стволу.

— Скорей, «Нахимчик»! Милый, поскорей!

Вот «Нахимовец», не сбавляя бешеного хода, подлетает к гибнущей барже, описывает круг. Широкой пенной полосой остается на волнах его след... Принимает, раскачиваясь на волнах, буксирный трос. Вздрыбил громадные буруны у себя за кормой... Потацил. Тысячетонная баржа покорно поворачивает нос против ветра и лениво трогается в путь.

«Нахимовец» держит курс к застрявшему буксиру. Долго, упрямо пробивается против волн. Наконец добрался. Осторожно подходит. Принимает конец с буксира. Баржу, наверно, пока отцепил; она, приседая на волнах, снова поворачивается боком к ветру.

«Нахимовец» сдал назад и разом рванулся вперед. Буксир вздрогнул и вдруг закачался на волнах: значит, сорвался с мели. Снова оказался на плаву. Оба судна — спасенное и спаситель — дружно, весело загудели. «Нахимовец» догнал свою баржу, зацепил ее и стал медленно удаляться. Вслед за ним и буксир, подобрав вторую, стоящую на якоре баржу, лег на тот же курс.

...По-прежнему мчится над морем упругий ветер. По-прежнему катятся к берегу шумные гряды волн. Рваные облака летят, свиваясь клубами, по небу. Но как хорошо теперь на душе у Лины!

Через два часа «Нахимовец» войдет в спокойную Волгу, передаст спасенную баржу хозяину-буксиру и примчится отдыхать в свою бухточку.

В лесу заиграл горн. Ближе. Ищут ее, Лину. Она закричала, как могла, громко, и из кустов выскочил Леня Смирнов.

— Ребята! Она здесь! Нашел! — радостно кричит он.

Через минуту целая ватага ребят окружает Лину. Пионервожатая Вера (она была когда-то медсестрой) осторожно кладет Линину ногу к себе на колени, осторожными умелыми пальцами прощупывает стопу.

— Вот так — больно? А так?

Кто-то накинул девочке сзади на плечи сухой бушлатик. Кругом участливые серьезные лица товарищей.

— Кость цела, — сообщает Вера. — Это просто вывих. Я сама могу вправить, только сначала отнесем тебя в лагерь.

Мальчики здесь же из обломанных сучьев поваленной сосны выбирают две толстые палки, продевают их сквозь штурмовки, и носилки готовы. Лину бережно несут в лагерь, укутанную целым ворохом сухой одежды. Всю дорогу Люся Миловидова наклоняется к подруге. Она смеется, а на глазах еще не высохли росинки недавних слез.

— Ты знаешь, Линочка, — торопливо щебечет Люся, — эта наша чудачка — тетя Дуся вначале даже отгоняла Зорика, а потом увидела твою записку. Сигнальщики сразу побежали к бухте. «Нахимовец» тут же снялся, ну, знаешь, в одну минуту. Если бы ты видела, как он мимо лагеря мчался! Ведь ему никакой шторм не страшен. Это только, когда он в шторм на якоре стоит, тогда опасно. А на ходу он ни капли воды внутрь не примет. Виталий Владимирович еще раньше говорил, что «Нахимовец» герметический.

— А шлюпка-то! — вдруг перебивает ее Лина. — Ведь за ней последить надо. Я ее там привязала не очень крепко.

— Так ты и шлюпку спасла? — удивленно спрашивает Вера.

Леня Смирнов делает строгое, даже сердитое лицо и заявляет:

— Ты, Линка, настоящий герой. Мы, ребята, тебя уважаем.

— Это не я, — отвечает, смущенно улыбаясь, Лина. — Если б не Зорик, баржу разбило бы. Это точно.

...Шторм прекратился ночью. Вахтенные видели, как играли, отражаясь в пологих волнах, ходовые огни вернувшегося «Нахимовца». Катер уже не пошел в бухту, а бросил якорь на рейде. Команда ребят приехала на берег и, если бы не вмешательство Веры, до утра продолжалось бы обсуждение недавних событий.

Утром море лежало спокойное, ласковое, как будто и не было никакой бури. Лес обсыхал, окутываясь легким паром.

Лину на «Нахимовце» возили в больницу. Врач заявил, что первая помощь оказана правильно, и что через два-три дня девочка сможет ходить. К возвращению катера ребята приготовили Лине две пары костылей из ореховых палок.

Поход в Калинин был временно отложен.

После обеда занялись заготовкой пней, чтобы по возвращении из плавания иметь в лагере запас топлива. Ребята очень любили эту веселую работу. А в этот день она проходила еще веселей, потому что присутствовал Зорик.

Юные мореходы привозили на лодке с катера стальной буксирный трос и опутывали им один из громадных пней, торчащих на берегу.

«Нахимовец» немного пятился назад, потом резко подавался вперед. Пенек высоко взлетал в воздух, вздымая тучи пыли, и гулко шлепался в воду.

Зорик решил, что без его помощи никак не обойтись. Как только ребята привозили блестящий трос, олененок начинал проявлять бурную деятельность. Он суетился около пенька, упирался в него рогами, грозно фыркал.

Ребята, покатываясь со смеху, с трудом отгоняли расходившегося «помощника». Зорик не успокоился даже тогда, когда катер поволок на буксире к лагерю целый ворох заготовленных пней. Олененок все еще бежал по берегу и с разбегу бодал каждый встречный пенек.

Через три дня весь лагерь снимался в недельное плавание в Калинин. В день отплытия было пасмурно. Серые волны гонялись одна за другой по морю. Зорик не приходил.

Под всяким предлогом откладывали девочки из второго отряда отход последней шлюпки на катер. Только нетерпеливые гудки с «Нахимовца» заставили их, наконец, отчалить.

Опоздавшие ждали Зорика прощаться. Когда же стало ясно, что какие-то неотложные дела в лесу не позволили олененку явиться, девочки намочили сухарей, посолили их и положили на пенек. А рядом оставили записку: Не скучай, Зорик! Мы скоро вернемся. Сухари все сразу не кушай — заболит живот».

...Через неделю поздно вечером «Нахимовец» снова бросил якорь у родного острова.

А на рассвете тетя Дуся проснулась от странной возни в продуктовой палатке. Крадучись, она позвала вахтенного, и они оба осторожно заглянули в палатку.

И что же? Оказывается, там в полумраке хозяйничал Зорик. Он пробивал копытом крышку каждого ящика и пробовал

содержимое на вкус. Когда олененка выгнали из палатки, он решил поиграть с тетей Дусей, стал гоняться за ней по лагерю.

Бедная женщина перепугалась не на шутку. Она бегала вокруг палаток, а Зорик, фыркая от удовольствия, скакал за ней и все больше входил в азарт. Вахтенный принес кусок хлеба и за этот выкуп освободил повариху.

Зато днем Зорик взял свое. Давно на острове не было слышно такого хохота и криков. После благополучного плавания был объявлен день отдыха, и с самого утра разгорелись игры, в которых Зорик был бессменным водящим. Он будто понимал, что привлекает всеобщее внимание, и, что называется, лез из кожи. То он носился восьмеркой между кустами, то выделял такие замысловатые прыжки, что все покатывались со смеху, то вдруг вставал на дыбы и ходил по кругу на задних ногах.

Перед обедом ребята попрыгали в море на обычное купание. От поднятых брызг заиграли над водой разноцветные радуги. Зорик с разгона тоже влетел в воду (надо же показать свою храбрость!), но тотчас же выскочил дрожа на берег и угрожающе зафыркал на воду. Может быть, зараженный примером ребят, он тогда впервые в своей жизни испытал купание.

Проходили дни. Ребята так привыкли к олененку, что не могли прожить без него и дня. В свободное время ходили по ягоды. Зорик по-прежнему увязывался за ними, но на этот раз его кормили брусникой безоговорочно и досыта, так как ягод было в изобилии. Уходили иногда далеко в глубь острова. Часто встречали оленьи следы, хотя самих оленей ни разу не видели.

Но однажды Люся Миловидова, запыхавшись, влетела в лагерь и крикнула:

— Бежим скорей! Нашего Зорика убивают!

Все гурьбой бросились за ней в лес. По дороге она отрывисто рассказывала:

— Собираю бруснику, слышу — шум за кустами. Выглянула, а там большой олень Зорика бодает!

Долго искали в лесу место происшествия. Наконец нашли. В земле отпечаталось много оленьих копыт. Одни следы крупные, другие — маленькие, определенно Зорика. На траве кое-где кровь, и один куст кровью испачкан.

Так и решили: убит Зорик. Где-нибудь умирает в кустах. Искали его долго, звали. Напрасно...

До глубокой ночи не смолкал приглушенный гул в палатках. Ребята никак не могли успокоиться.

Какова же была общая радость, когда вахтенный разбудил утром весь лагерь криком:

— Зорик пришел!

Он понуро стоял за палаткой, опустив рогатую голову вниз. На боку олененка чернела запекшаяся кровью рана. Ребята окружили своего любимца. Зорик смотрел на всех большими печальными глазами и не шевелился.

С целой кипой бинтов и ваты прибежала Люся Миловидова. Олененок покорно дал себя перевязать. Но потом, взглянув на свою спину, стал нервно кусать бинты. Повязку пришлось снять.

Целую неделю Зорик ходил скучный, не играл с ребятами и почти не отлучался из лагеря.

Постепенно рана зажила. Вместе со здоровьем к Зорику вернулась его обычная жизнерадостность. Но из лагеря он по-прежнему не уходил. Даже спать ложился где-нибудь за палаткой.

Наступил август. Запылали кое-где осенними красками кусты и деревья. Все чаще шумело штормами обширное Московское море.

Пришел срок отъезда.

В день сборов работы у всех было по горло: смолили шлюпки, свертывали палатки, грузили на катер горючее.

Зорик остался беспризорным. Никто не имел времени поиграть с ним, несмотря на все его приставания. Лишь когда все было готово к отплытию, ребята бросились прощаться с Зориком. Его наперебой угощали, ласково трепали по шерстке, обнимали за шею, целовали смешной завиток на лбу.

Олененок не вырывался, не убегал. Он только внимательно смотрел на всех, будто силился вспомнить, что он сделал особенно хорошего, чтобы его так ласкали.

Виталий Владимирович не раз давал продолжительные гудки с катера, чтобы ребята садились, наконец, в лодки.

Но вот одна за другой подходят к «Нахимовцу» шлюпки.

Ребята прочно швартуют их у кормы. Берег, всегда шумный и веселый, внезапно опустел.

Заработала машина, загрела якорная цепь. Катер тронулся. Тут только Зорик понял, что его покидают. Он беспомощно заметался по берегу, зашел по колено в воду и закричал вдруг жалобно и тоскливо.

На капитанский мостик прибежала целая делегация. Люся Миловидова даже руку положила на штурвальное колесо.

— Виталий Владимирович! Вернемся, возьмем его! Пропадет он здесь. Его тот олень убьет!

— Нельзя! — ответил капитан, ласково снимая Люсину руку со штурвала. — Зорик живет в заповеднике. Он — государственная собственность. А за жизнь его, ребята, не беспокойтесь. Зорик теперь будет избегать опасных встреч до той поры, пока не вырастет и сможет постоять за себя. На будущее лето мы снова приедем сюда. Посмотрите, каким красавцем будет наш питомец!

Ребята немного успокоились.

«Нахимовец» шел вдоль острова. Зорик, не отставая, бежал по берегу. Он то скрывался в кустах, то мелькал оранжевым пятнышком по полянам. Юные моряки все столпились на одном борту, так что судно шло с заметным левым креном. Всем хотелось крикнуть олененку несколько теплых прощальных слов.

Вот остался за кормой последний выступ лесного острова. Катер лег на курс. Но долго-долго еще было видно в бинокль, как метался по песчаной косе стройный рыженький олень.

— Прощай, Зорик! До будущего лета!

У лесной речки

Несколько лет тому назад я решил провести свой отпуск в лесной глуши — в государственном заповеднике.

Добродушный лесник Сергей Данилыч с готовностью предоставил мне просторную комнату в своей большой пятистенной избе. Но я мало оставался в этой комнате.

Наблюдения за обитателями леса, рыбная ловля, дальние прогулки — все это требовало продолжительных отлучек.

Приготовленную для меня постель с периной и подушками я в первую же ночь променял на душистые вороха сена, а толстое стеганое одеяло — на просторный тулуп Сергея Данилыча. На чердаке сарая под ровный гул векового бора мне спалось куда лучше, чем в избе.

Частенько приходил ко мне и Данилыч. Я бывал рад, когда в сумерках заскрипит вдруг под его ногами старая лестница, что вела на сеновал. Тогда до глубокой ночи слушал я рассказы старика о животных — как лиса обучает охоте своих юных питомцев, как охраняет лосиха своего детеныша от волков, как терпеливая рысь подстерегает в ветвях деревьев свою добычу.

— Вот ведь мы думаем, что только люди и умны, а тварь лесная — та без всякого понятия живет, — начинал, обычно, лесник. — А ведь не так это. Совсем не так. Без соображения по лесу и шагу не ступишь. Уж на что, кажется, лесная мышь глупа — и головка-то у нее меньше ногтя, а и она без хитрости из норы не вылезет. Сначала высунет нос — понюхает кругом, оглядится. Не видно никого — тогда выскочит и давай нарочно шум поднимать: бегаёт вокруг норки, сухими листьями шуршит, пищит: вот, мол, я! Хватай, кому надо! — И тотчас — опять в норку. И так раз пять проделает, пока не убедится, что никто ею не интересуется. Тогда уже вылезет совсем и занимается своими делами.

В один из таких вечеров Сергей Данилыч сообщил мне, что он два раза встречал медвежью семью — самку с медвежонком и пестуна — на одном и том же месте у лесной речушки, километрах в пяти от сторожки. Увидеть медвежат не за решеткой клетки, а в их «домашней» обстановке, было моей давнишней мечтой. Я упросил Сергея Данилыча завтра же отвести меня на то место.

Старик охотно согласился.

Следующую ночь я встретил высоко над землей, в удобном гнезде, которое мы с Сергеем Данилычем еще днем соорудили в ветвях старой ели, надеясь утром увидеть медвежью семью.

Если ночуешь в лесу у костра, не услышишь и сотой доли тех шорохов, криков, порханья, свиста, потрескивания, какими наполнен ночной лес в июле.

Вот что-то зашуршало в потемках под самым деревом и показилось, шелестя травой, к речке. Наверно, еж.

Вот хрустнула неподалеку ветка под чьей-то лапой. Вскрикнул где-то заяц, вскрикнул отчаянно, с надрывом, надо думать, это был его последний крик. Вот обломился на дереве сухой сучок, и какая-то птица отчаянно захлопала крыльями, чтобы сохранить равновесие. Заухал филин вдали. Плеснулась в воде рыба. Звонко плюхнулась с берега лягушка. Нетрудно догадаться, кто спугнул ее.

Какой-то зверь подобрался к реке и лакает. Слышно, как шлепают капельки, стекая с его морды. Напившись, зверь тихонько фыркнул и исчез во тьме.

Мне не скучно на дереве. Я стараюсь распознать по звукам нарушителей ночной тишины, напряженно вглядываюсь в просветы между черными ветвями, но вижу наверху только кусочек темного неба, усеянного звездами, а внизу — полоску реки, которую я узнаю по отражению тех же звезд.

Но вот мое укрытие обнаруживают комары. Прощай покой! Нестерпимый, назойливый писк не смолкает у меня в ушах, кожа на лице горит от укусов. Я закрываю лицо воротником тулупа и незаметно засыпаю.

Будит меня бойкое щебетанье синицы. Красивая птичка сидит на ветке прямо против моей головы. Поднимается столбиком, стараясь заглянуть между веток и узнать, что это за существо поселилось на елке.

От моего движения птичка срывается на соседнее дерево и поднимает такую тревожную трескотню, будто решила оповестить весь мир о своем важном открытии. Я бросаю в синицу веткой, и она улетает.

Только что поднялось солнце. На серовато-голубом небе веером раскинулись розовые облака. От воды всплывает кверху такой густой туман, что берега совершенно не видно. В лесу холодно, но у меня под тулупом так уютно, тепло, что я не могу отказать себе в удовольствии понежиться еще немножко. Глаза сами закрываются, и через минуту я уже снова сплю.

Второй раз меня будит большой паук-крестовик. Он спустился откуда-то сверху на паутинке и забегал у меня по щеке, словно не решаясь, куда лучше пристроить конец паутины — к моему носу или за ухо.

Солнце уже поднялось над лесом. Туман над рекой рассеялся. Приятно запахло хвоей.

Я улегся поудобней и до рези в глазах стал всматриваться в противоположный берег. Проходит час, другой... третий... Никого.

Только зайчишка проскочил между деревьев, привстал на задних лапках, перехватил какую-то травинку и исчез.

С каждым часом жара становилась все несносней. Сухие травинки прилипали к вспотевшему телу. Какая-то бронзовая муха назойливо зудела у самого лица. Я же боялся шлепнуть

ее, чтобы не спугнуть медведей, которые, по моему мнению, должны были вот-вот придти купаться.

В полдень терпение мое истощилось. Я свернул тулуп, прикрыл его сеном, взял ружье и спустился вниз.

И еще два ночлега в лесу не увенчались успехом. Медведей я видел только во сне. От бесчисленных комариных укусов лицо мое вспухло и покраснело. Каждый раз я возвращался в лесную избушку с опухшими глазами, с тяжелой головой и с досадой на неудачу. Теперь уже и Сергей Данилыч советовал мне оставить мою затею.

— Ну, еще одна попытка, — решил я, — и тогда — конец. Не пойду больше.

На четвертое утро я их увидел.

Я запомнил все до мельчайших подробностей так ясно, что стоит мне закрыть глаза — и снова вся сценка в лесу повторяется в моем воображении.

Я лежу в своем уже порядком надоевшем мне «гамаке». От жары и от дурно проведенной ночи слипаются глаза. В ушах стоит какой-то нудный монотонный звон. Изредка ветерок освежает мое лицо. Тогда я открываю глаза и без всякой надежды смотрю на противоположный берег... Сначала я подумал, что медведица появилась только в моем воображении. Но это была действительность: огромная лохматая зверина, подняв нос, обнюхивала воздух и подозрительно осматривалась кругом маленькими блестящими глазками. Ветер тянул с той стороны, и меня она не могла учуять.

От моей сонливости не осталось и следа.

Убедившись, что ничего угрожающего поблизости нет, медведица не спеша направилась в лес. На лопатках у ней (это было заметно даже под длинной шерстью) катались шарами могучие мускулы, будто тело ее переливалось под кожей.

Через минуту медведица снова показалась из-за кустов. На этот раз за ней семенил пестун — прошлогоднего помета, раза в три меньше своей матери, а сбоку катился бурый шарик — медвежонок этого года рождения.

Малыш сразу завоевал мою симпатию. Все в нем было кругло: круглая головка с круглыми ушками и глазками, круглый

животик, округленные косматые лапки, белый кружок на шейке, как медальончик.

Пестун, напротив, был какой-то голенастый, худой, с грязнобурой клоками торчащей шерстью. Наверно, больной.

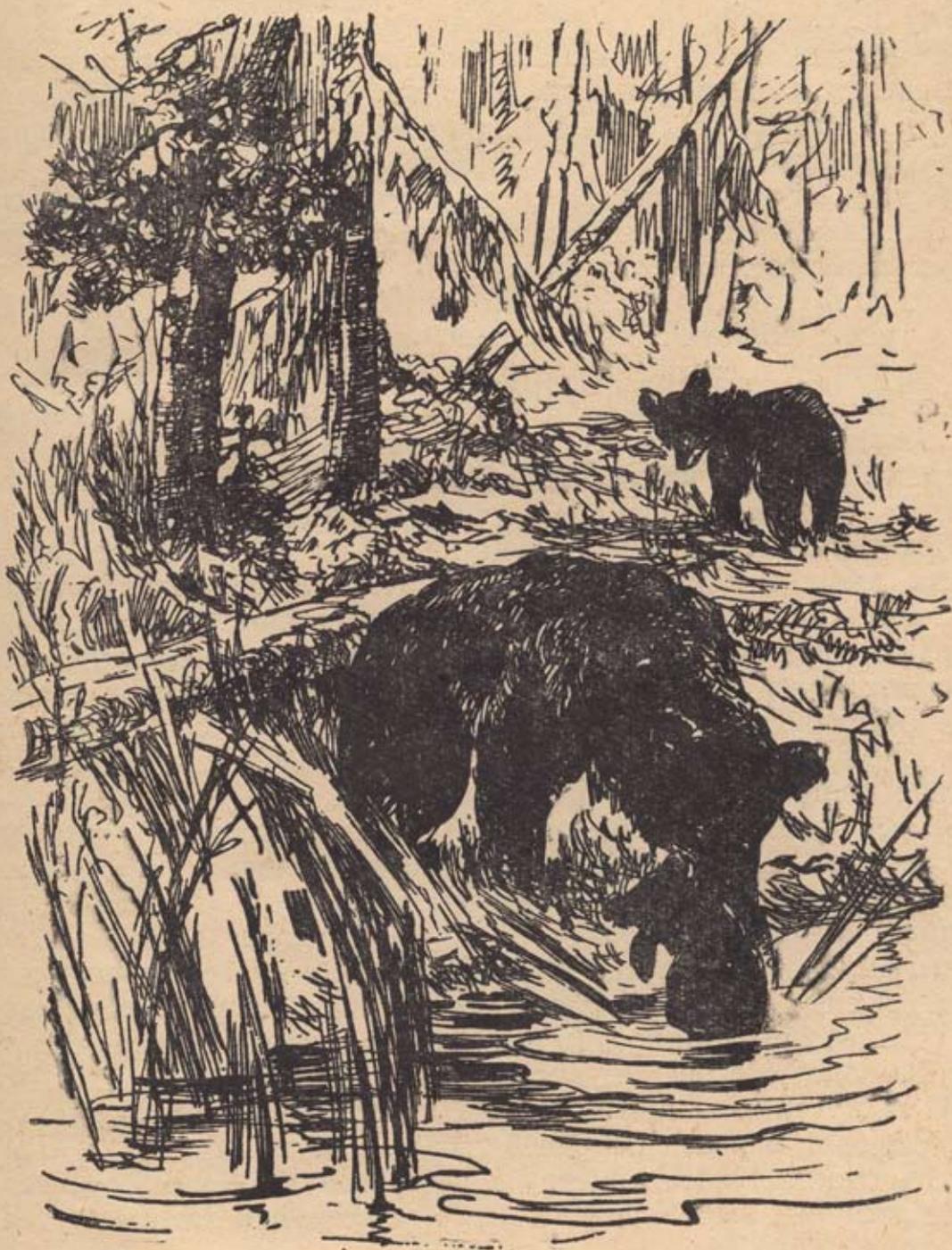
Заметив воду, малыш вдруг подпрыгнул и галопом пустился прочь от реки. Мать помчалась за ним широкими махами, схватила детеныша клыками за шиворот и трусцой вразвалку поволокла его к реке. Медвежонок отчаянно завизжал, до отказа разевая розовый ротик, и забился в зубах у матери. Временами он затихал, безжизненно свесив все четыре лапки вниз, потом вдруг взбрыкивал и снова начинал визжать, как поросенок. Пестун подскочил сбоку и укусил малыша за заднюю лапку. Тот забился еще сильнее.

Не обращая внимания на эти вопли, мать вбежала в воду, поднимая тучи брызг, и здесь выпустила своего питомца.

Медвежонок тотчас умолк и с фырканьем поплыл к берегу. Над водой торчали только ушки да черный носик. Мать, однако, перегнала малыша и своим телом загородила ему дорогу. Медвежонок сделал было небольшой круг и хотел выбраться на берег в другом месте, но медведица перехватила его опять за шиворот и оттащила на середину речки.

На этот раз медвежонок беспрепятственно доплыл до берега и проворно выскочил на лужайку. Видно, он понимал, что программа мучений закончена, и мать уже ничего не потребует от него. Малыш взгорбил спинку и стал стряхивать воду, как это делают собаки после купанья. Медведица тоже вылезла на берег и отряхнулась по тому же способу. С ее длинной шерсти полетели целые каскады водяной пыли. Ближайший куст заблестел будто после дождя.

Пестун тем временем отбежал в сторону и виновато покосился на медведицу. Та оскалила желтые клыки и повернулась к нему. Пестун проворно затрусил к реке, но у воды еще раз умоляюще оглянулся на мать. Медведица резко рявкнула и кинулась к нему. Несчастный с перепугу головой бросился в воду и, пофыркивая, проворно поплыл к моему берегу. Здесь он выскочил на мель и обернулся назад. Мне было видно, как часто дрожала кожа на его спине то ли от холода, то ли от испуга. Заметив, что медведица больше не обращает на него внимания, он снова во-

шел в воду и поплыл назад. Но вылезти напротив матери он все же не посмел, а выбрался на берег далеко в стороне в кустах черемухи, смешной, похудевший от прилипшей шерсти.

Медведица после купанья принялась тут же, у речки, выкапывать и поедать какие-то корешки. Изредка она оглядывалась на медвежонок и внимательно обнюхивала воздух большим подвижным носом.

Малыш ничуть не думал об опасности. Ему хотелось согреться. Он начал бегать по полянке, вскидывая круглый зад, смешно выбрыкивая задними лапками.

Что-то в траве привлекло его внимание. Медвежонок сунул нос в траву, понюхал, присел, шлепнул кого-то лапой, схватил в зубы, плюнул, брезгливо затряс головкой и помчался дальше.

Сколько жизни, сколько энергии было в его движениях! Вот он уже мчится назад, с ходу бросается на сосну, что растет у берега, и, проворно перехватывая попарно то передними, то задними лапами, забирается почти до самой верхушки.

Некоторое время мне совсем не видно его. Но вот опять сквозь хвою мелькает темный комочек. Медвежонок быстро спускается вниз. Из-под острых коготков сыплется старая кора. Метрах в двух от земли медвежонок срывается, падает, переворачивается раза три через голову и недоуменно смотрит на дерево. Затем передней лапой почесывает бочок и скатывается к воде. Здесь он успокаивается. На него вдруг находит созерцательное настроение.

Зверек усаживается у самой воды, наклоняет головку и смотрит на блеск светлых струй под солнцем.

Но продолжительный покой не в его натуре. Мишка вдруг легонько шлепает лапой по воде. Звук удара и серебристые брызги ему, видимо, очень понравились. Он повторяет еще раз, и еще, и еще, с каждым разом все сильнее. Звонкое шлепанье и сверканье брызг приводят шалуна в восторг. Он вскакивает и бьет по воде уже обеими передними лапами.

Из-за куста внезапно выскакивает медведица, глухо рывкает и с маху бьет малыша передней лапой. Тот кувыркком летит на берег, поднимает носик кверху и воет, как обиженный ребенок.

На этот вой выскакивает откуда-то пестун и тоже получает увесистую оплеуху.

Медведица снова скрывается в кустах.

И здесь... медвежонок проворно скатывается снова к воде, шлепает еще несколько раз лапой и пускается наутек во все лопатки.

Что это было? Мечь ли своей строгой мамаше, желание ли повторить приятную забаву? Во всяком случае, эта выходка не могла быть простой случайностью. Тем более, что поспешное бегство малыша вызывалось, несомненно, боязнью получить взбучку от старших.

За ним помчался пестун, а через мгновение показалась на поляне медведица. Она обернулась кругом и легко затрусила вслед за детьми в чащу леса.

Я долго еще лежал, как зачарованный, и ждал их возвращения. Но прошло не менее часа, а семья лесных «хозяев» не возвращалась.

Я спустился вниз и зашагал домой такой счастливый, словно природа открыла мне за мое терпение одну из своих сокровенных тайн!

Колюч-Иголкин

Я уже давно убедился, что натуралисту куда лучше дружить с ребятами, чем со взрослыми. Когда летом в мою дачную холостяцкую квартиру ввалится вдруг кто-нибудь из городских приятелей, я даже пугаюсь слегка. Тут никогда не обойдется без неприятностей. Еще у двери приятель морщится и начинает нескромный допрос. Зачем, например, все окна и стулья заставлены стеклянными ящиками и банками? Что это за порядок, когда гостя даже усадить не на что? Зачем столько веток в бутылке натыкано, и что это за противные червяки по ним ползают? И как вы можете кушать, когда на столе стоит банка с головастиками?

И пошло, и пошло...

А ходят взрослые гости ну, прямо, как слоны. Обязательно кого-нибудь раздавят. Выполз ли краснобрюхий тритончик из своей стеклянной квартиры на пол — тут ему и смерть. Отправится ли по полу крошечный лягушонок опробовать недавно выросшие лапки — и пропал лягушонок. А взрослый приятель еще ругается: зачем у вас всякая дрянь по полу скачет?

Не люблю я таких посетителей. С ребяташками куда легче. Те входят в комнату, как в музей, разговаривают шопотом,

всем-интересуются, рассказы о каждой козявке слушают, словно сказку. И никогда никого не дают, потому что под ноги смотрят.

С пустыми руками ребяташки редко приходят. Обязательно кто-нибудь из них или бабочку вытащит из кармана или протянет мне в пропотевшем кулачке полузадушенного лягушонка. И не взять нельзя — обидится до смерти.

К моей работе ребяташки относятся с большим уважением и, чтобы не помешать моим занятиям, никогда не приходят по утрам, когда я заполняю дневники наблюдений. Только однажды они шумно ворвались в дверь в неурочное время. И то не без причины. По возбужденным крикам, по блестящим глазенкам я сразу понял, что ребята принесли какую-то драгоценность. И правда. Гена Марков, вихрастый карапуз, торжественно опустил на пол что-то круглое, завернутое в тряпку. Я начал разворачивать сверток и укололся. Проказники не предупредили меня, что завернут еж. Пока ребята прыгали вокруг него и заглядывали мне в глаза, удивляясь, почему я тоже не прыгаю от восторга, ежик неподвижно лежал на полу. Он растопырил во все стороны серые с белыми остриями иголки и не шевелился. Я уже подумал, не замучали ли его юные охотники. Ребята заметили мою озабоченность и утихли. Тут из-под серого шарика вылез сначала подвижный черный носик, потом показалась вся мордочка с круглыми, как блестящие пуговицы, глазками. Наконец, ежик развернулся весь и проворно юркнул под кровать. Гена с той же поспешностью кинулся за ним, а я — за Геной: надо же зверьку успокоиться после стольких потрясений!

— Знаете что, ребята, — подумав, предложил я. — Давайте ежика на волю выпустим. В этом году я занимаюсь только насекомыми и земноводными. А ежик — это млекопитающее животное. Он очень полезен, потому что вредных насекомых поедает и мышей ловит. Давайте его выпустим!

Мои посетители так и присели от неожиданности. Ведь они столько раз видели, как меня радует находка какой-нибудь букашки, а тут такая прелесть — живой ежик — и вдруг выпустить!

— Ну, ладно, ладно, — поторопился я успокоить ребят, — пускай живет ежик у меня. Только приносите ему слизняков, улиток да дождевых червей. Он их очень любит.

Ребята просветлели.

— Мы сейчас же достанем всего этого! — и помчались за кормом. А я тем временем поставил около кровати блюдо с молоком, положил там же морковку и сел продолжать свои записи.

Через несколько минут что-то захрустело позади меня. Я обернулся: ежик аппетитно обтачивал морковку. Значит, приживется.

Покончив с морковкой, зверек отправился знакомиться со своим новым жильем. Он зашуршал иголками вдоль стены, то и дело останавливаясь и деловито обнюхивая каждый предмет. Жесткие коготки стучали по полу, как копытца. С особым вниманием ежик обследовал дырку в полу. Через этот выпавший сучок ко мне в комнату частенько лазили мыши. Ежик внимательно обнюхал пол возле дырки, потом засунул в нее носик и долго вынюхивал, чем там пахнет. Запах ему, видимо, понравился, потому что он удовлетворенно фыркнул, побежал было дальше, затем вернулся и понюхал еще. Не остался без внимания и веник. Ежик вытащил его из угла и принялся обгрызать прутья.

Когда пришли ребята, ежик оставил веник и умчался под кровать. Как те ни пытались соблазнить зверька жирными слизняками и навозными червями, он так и не вылез. Зато после ухода ребят вышел сам и пособиравал всех червей, которые уже расползались по полу.

Всю вторую половину дня мой новый жилец проспал под кроватью, затащив туда для подстилки коврик, что служил мне при раздевании. А вечером, как только я потушил свет, он сейчас же снова затопал по комнате. Я вспомнил, что на свободе ежи тоже ведут в основном ночной образ жизни.

Ко мне ежик привык очень скоро. Два дня он еще сворачивался шариком, когда я неожиданно входил в комнату и заставлял его посреди пола. Но потом, убедившись в безопасности, он отказался от этой предосторожности. На пятый день ежик уже кушал у меня из рук, а позднее стал даже надоедать мне попрошайничеством. Он бегал за мной, как собачонка, задирав симпатичную мордочку вверх и нетерпеливо похрюкивал. Кушал он почти все: огурцы, сырое мясо, мелкие ветки, но предпочтение

отдавал улиткам и слизнякам, которых я приносил ему с огорода. Улиток ежик ел прямо с ракушками, так они и переселялись к нему в желудок в собственных квартирах.

Ребята все реже стали приносить ему пищу, так как зверек упорно не хотел дружить с ними и сворачивался сразу, как только услышит топот босых ног. Как-то соседская девочка Маня попыталась погладить ежа, но больно укололась и вскрикнула сквозь слезы: «У жестокий, Колюч-Иголкин какой». Я так и назвал его, но на свою кличку ежик не откликался, зато сразу выбегал из любого угла, если я постучу карандашом по тарелочке, из которой он кушал. Этим магическим звуком его можно было вызвать в любое время. Но однажды утром я минут десять колотил по тарелке, а ежик не являлся. Я обыскал всю комнату, заглянул во все закоулки — ежика не было. «Наверно, удрал ночью», — подумал я. Признаться, было немного жалко беспокойного квартиранта.

Уже под вечер какое-то шуршанье за печкой заставило меня насторожиться. Я заглянул в узкий проход между печкой и стеной. Кроме двух старых валенок там ничего не было. Но стоило мне отойти, за печкой снова кто-то завозился. Тогда я вытащил валенки. Один из них показался мне подозрительно тяжелым. Заглянул в него... Так вот в чем дело! В валенке сидел Колюч-Иголкин. В голенище он смог залезть, а оттуда его не пускали иголки. Хорошо еще в пятке валенка была маленькая дыра, а то бы задохнулся мой проказник.

Я попытался было вытряхнуть его наружу — не тут-то было. Несколько иголок даже прошли сквозь валенок. Пришлось разрезать голенище вдоль, чтобы освободить зверька.

Оказавшись на полу, ежик чихнул несколько раз и как ни в чем не бывало побежал к тарелке обедать.

В другой раз Колюч-Иголкин залез за шкаф и тоже не мог выбраться без моей помощи.

Но не всегда колючая шубка причиняла ежику неприятности. Даже в домашних условиях она спасала его от беды. Так случилось однажды, когда ежик проскользнул за мной из комнаты в коридор. Возле двери дремала на рогожке хозяйская собака Муська. Колюч-Иголкин сразу почувствовал опасность и остановился. Муська проснулась и кинулась к нему. Ежик мгновенно

превратился в колючий шарик. Собака на секунду опешила от неожиданности, но быстро оправилась и, припадая на передние лапы, начала с рычанием обнюхивать странную дичь. Тут и случилось то, чего Муська, наверно, никогда не забудет. Ежик вдруг резко подпрыгнул, и острые иголки изрешетили чувствительный муськин нос. Собака в ужасе завывала и, встряхивая головой, вылетела на улицу. С той поры Муська испуганно отскакивала от моей двери, как только я выходил из комнаты, и с поджатым хвостом боязливо косилась на мои ноги — не катится ли за мной тот колючий живой шарик.

Глядя на шарообразную фигурку ежа, на его неторопливую «деловитую» походку, трудно предположить, что перед нами ловкий и хитрый охотник. Но это именно так. Мне несколько раз удалось наблюдать, как Колюч-Иголкин охотится на мышей. По каким-то совершенно неощутимым для меня шорохам и запахам ежик определяет, что под полом появилась лакомая дичь. Оставив лисбое занятие, даже еду, ежик, крадучись, пробирается за угол дивана, неподалеку от дырки в полу. Вот из дырки показались усики, носик, и, наконец, вся остренькая мордочка мыши. Плутовка подозрительно осматривает комнату глазами-бусинками, нюхает воздух и скрывается. Колюч-Иголкин не шелохнется, он почти не дышит, только чуточку дрожат иголки на спине. Вот мышка показалась снова. На этот раз она вся вылезает из дырки, юрко поворачивается во все стороны и вдруг стремительно мчится под стол. Серый комочек, как футбольный мяч от ноги футболиста, вылетает из-под дивана. Раздается короткий писк и вслед за ним аппетитное чавканье.

После сытного обеда ежику хочется почесаться. Он подходит к ножке стола или к стенке и поколачивает об нее то один бочок, то другой. Один раз он попытался сделать это об мою ногу, но встретил, конечно, решительное возражение.

А вот еще один случай, после которого я стал относиться к своему питомцу с уважением. Дело было так. Как-то в погожий денек, в начале августа, ловил я в лесу насекомых. Вдоволь набегавшись и намахавшись сачком, присел отдохнуть на трухлявый пенек. Совсем рядом раздалось вдруг знакомое каждому зоологу шипение. Я так проворно вскочил, что выронил и разбил стеклянную морилку. Тут было не до нее: от пенька, на

котором я только что сидел, уползала в сторону по редкой выжженной траве громадная гадюка. Такого великолепного экземпляра я еще ни разу не видывал. Змея была почти в метр длиной, толстая, с крупной треугольной головой. Вдоль спины вилась черная зигзагообразная линия (Каинова печать). Упустить такое животное было бы преступлением. Я знал, что укус гадюки часто бывает смертельным для человека, но охотничья страсть зоолога победила страх. С сачком в руках я кинулся догонять змею и загородил ей дорогу. Гадюка попыталась увильнуть в другую сторону. Еще два прыжка — и я снова отрезал ей путь к отступлению. Сейчас гадюка оказалась на песчаном месте, почти лишенном растительности. Здесь она перешла к обороне. Ее упругое тело резко свернулось в кольца, кончик хвоста бешено запрыгал по песку, а страшная голова поднялась и обернулась в мою сторону. В раскрытой пасти отчетливо блеснули два кривых ядовитых зуба. Маленькие оранжевые глазки следили за каждым моим движением. Еще секунда — и хищница бросилась бы на меня. Но сачок был наброшен вовремя. Запоздавший прыжок змеи только ухудшил ее положение. Она билась теперь в марлевом мешке, а я лежал на земле и закостеневшей рукой вдавливал древко сачка в песок. По тому, как вздрагивала палка, я мог судить о силе, с какой колотилась гадюка. «Только бы не порвала сачок, — думал я, — только бы выдержала марля».

И вот, когда я уже думал бросить сачок и бежать в сторону, змея успокоилась. Она только методично тыкалась головой в самую узкую часть сачка. Я быстро перевернул сачок, и змея оказалась отрезанной от его выхода прочным металлическим кольцом. Теперь оставалось перевязать марлевый мешок около кольца и гадюка поймана окончательно. Но чем перевязать? Правой рукой я попрежнему прижимал ручку сачка, левой — стал снимать поясной ремень. Затем, придерживая коленом палку, я осторожно пропустил конец ремня под марлей. Операция с перевязыванием блестяще удалась, хотя руки у меня дрожали от волнения, особенно когда по пальцам ударяло тугое кольцо змеиного тела.

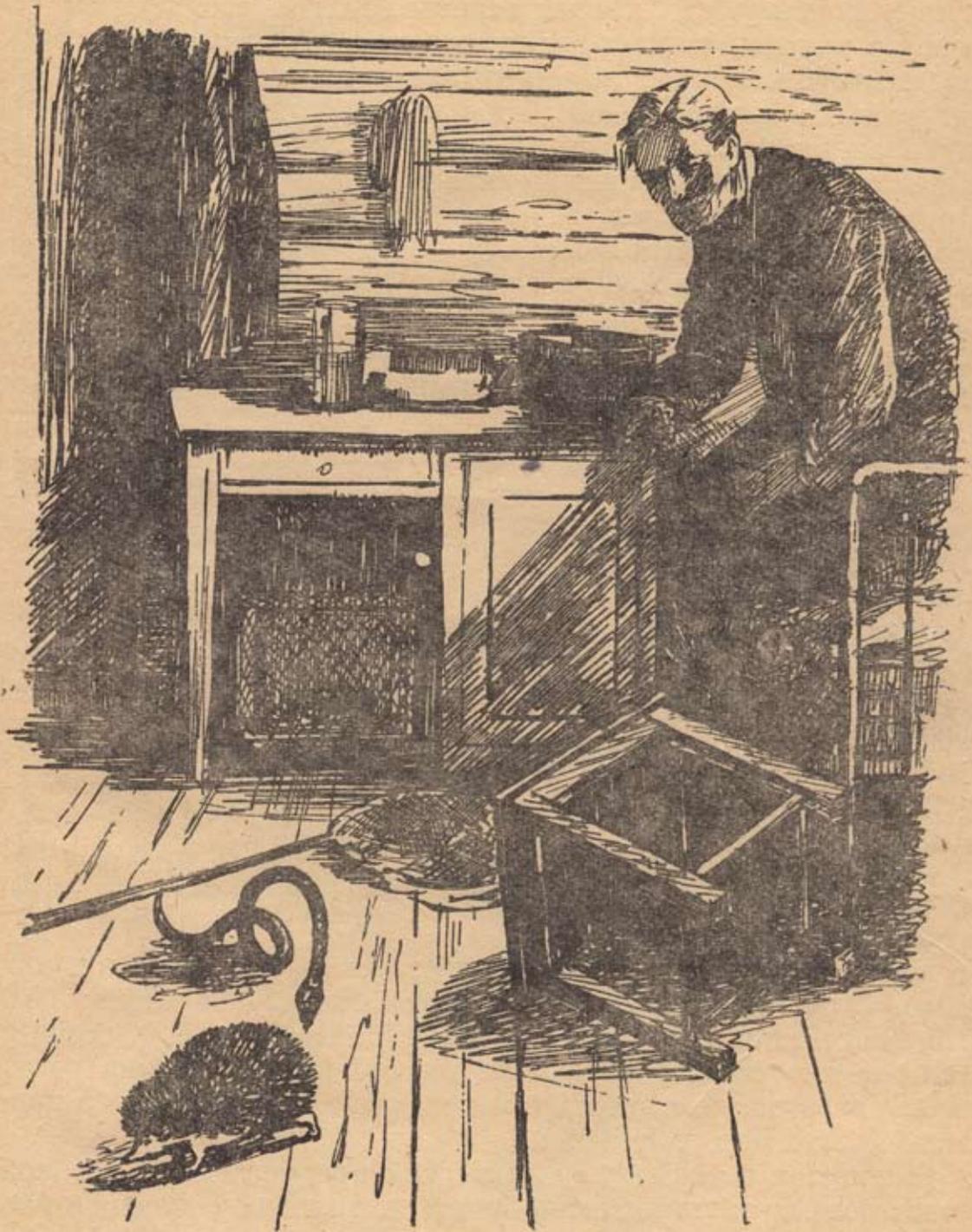
Очень довольный охотой, я поволок добычу домой. В моем воображении рисовались блестящие перспективы. Я помещу

гадюку в тот ящик с плотной сеткой, в котором у меня в прошлом году жил уж, и проведу целую серию интереснейших опытов и наблюдений. Потом я передам ее в зверинец или заспиртую, и у меня, на зависть всем зоологам, будет чудеснейший экземпляр ядовитой змеи. Какое это будет прекрасное пособие на уроках зоологии!

В самом чудесном настроении я вбежал к себе в комнату, положил сачок на пол и отправился в сарай за клеткой. Клетка оказалась заваленной дровами и извлечь ее было не так легко. Возвращаясь с ящиком в комнату, я уже подумывал о том, каким способом мне переселить опасную змею. Но переселять не пришлось. У самой двери ящик выпал у меня из рук, а я в один прыжок прямо в ботинках оказался на кровати: гадюка лежала на полу в знакомой уже оборонительной позе, а около нее кругами бегал Колюч-Иголкин.

Гадюка вся исходила шипеньем. Кончик хвоста ее отбивал по полу частую дробь, голова неотступно, словно привязанная, обращалась к ежу. Вот раскрытая пасть ее поднимается все выше, кривыми кинжальчиками торчат смертоносные зубы. Вот шипенье переходит в свист. Молниеносный рывок... Укусила... У ротика ежа появляется кровь, он слизывает ее язычком, будто ничего особенного не произошло, и продолжает бегать вокруг гадюки, только добродушные глазки ежика заблестели каким-то новым блеском.

Вот змея бросается еще раз. Но сейчас исход получается иной: ежик ждал удара. Целилась хищница в мордочку, а попала в острые иглы. Теперь у нее из носа свисает большая капля черной крови. А ежик, как бы издеваясь над змеиной яростью, продолжает свой бег. Он выжидает нужный ему момент. Гадюка ждать не хочет. Неуловимо быстрым движением она снова бросается на врага. Опять неудачно: теперь у нее вся пасть в крови и, кажется, вытек один глаз. Гадюка яростно трясет головой, шипит уже приглушенно, захлебываясь, кровавая пена стекает из пасти на пол. Совсем неожиданно змея распрямляет кольца и устремляется под диван. Этого и ждал Колюч-Иголкин. Он бросается сзади и перегрызает гадюке шею. Развязка наступает мгновенно. Обезглавленное тело гадюки быстро свивается и развивается, подскакивает над полом,

хлещет по нему, как мокрая веревка. Колюч-Иголкин тем временем с хрустом поедает змеиную голову. А там ведь ядовитые железы, зубы... Этого не выдерживают даже привычные нервы натуралиста. Я спрыгиваю с кровати и убегаю на улицу. Целый час брожу в сосновой роще, чтобы успокоиться. Во-первых, мне жалко потерять такой прекрасный экземпляр гадюки. Во-вторых, я беспокоился за здоровье Колюч-Иголкина. Мне, правда, было известно, что ежи — это единственные в наших краях животные, которые не боятся гадюк. Яд, убивающий годовалого теленка, для них безвреден. Но тут... чем ни ближе к голове, тем укус гадюки вредней, а моего ежика она схватила прямо за мордочку. А потом — он съел голову. Неужели и это пройдет без последствий.

Во всяком случае, я не очень удивился бы, если бы при возвращении домой застал Колюч-Иголкина недвижимым. Однако ежик встретил меня в самом наилучшем расположении духа. Он довольный бегал по комнате и облизывался. Судя по остаткам, что лежали на полу, ежик съел за мое отсутствие чуть не полгадюки. С брезгливым чувством я взялся за кончик змеиного хвоста, чтобы выбросить остатки пиршества вон. Но тут подскочил Колюч-Иголкин, ухватился зубами за другой конец, вырвал у меня свою добычу и уволок под кровать. Я уже не стал отнимать у ежа того, что принадлежало ему по праву за храбрость и выдержку в бою, взял тряпку и стал смывать с пола следы кровавой схватки.

При осмотре сачка мне стало ясно, как смогла змея выбраться наружу. Шов в марле в одном месте разошелся, и гадюка воспользовалась этим.

После описанного случая ежик прожил у меня еще довольно долго. Он попрежнему охранял мою комнату от набегов мышей, был всегда весел, здоров, неприхотлив в пище. К осени он стал заметно прожорливей. Под мягкой кожей брюшка скопилось у него порядочная жировая подушка. Гуще сделался коротенький мех между иглами.

Ежик стал неравнодушен к мягким предметам. Он подбирал с пола все случайно упавшие бумажки, тряпочки, кусочки ваты и стаскивал все это за печку — готовил себе постель на зиму.

У меня в комнате всегда было очень много книг. Для них

не хватало места на полках и в шкафу, и часть книг, а также старые подшивки газет лежали даже под кроватью. С некоторых пор Колюч-Иголкин стал проявлять к ним необычайный интерес. Частенько из-под кровати доносилось шуршанье бумаги.

— Что это у вас там такое? — любопытствовал однажды приехавший ко мне товарищ.

— Это ежик там читает, — пошутил я. — Пополняет недостатки лесного образования. Сейчас мы объявим ему перемену.

Я постучал карандашом по тарелочке, ежик тотчас выкатился из-под кровати и вопросительно поднял мордочку.

В ту же ночь меня разбудила оживленная возня. Я быстро включил свет и застал такую картину: Колюч-Иголкин с целым ворохом рваных газетных листов, натканных на его иглы, спешил в свой угол за печкой. Повозившись там несколько минут и освободившись от бумаги, он снова шмыгнул под кровать.

Я решил понаблюдать за своим питомцем. Зверек забрался в кучу нарванной бумаги, покатался по ней и вылез снова чучело-чучелом.

На другой день я поставил в углу сарая деревянный ящик, сложил в него весь запас подстилки из-за печки и переселил в сарай Колюч-Иголкина. Подарил я ему еще и разрезанный валянок. Ежик деятельно принялся потрошить его.

Через два дня ежик лег спать — лег до весны. Зимой я несколько раз навещал его. Просунув в ящик руку, я мог убедиться, что Колюч-Иголкин лежит, свернувшись в тугой комочек. Дыхание было очень редкое, сердце чуть билось, а мягкий животик был совсем холодный.

В середине апреля ежик проснулся и удрал из сарая к себе в лес.

Беспокойные питомцы

Я что-то писал за столом, когда услышал за дверью торопливый шопот, а потом несмелый стук. Не ожидая приглашения, в дверь протиснулся мой ученик — Вася Решетин. За ним проскользнул его приятель Коля Левин.

Вася обеими руками держал фуражку, в которой шевелилось что-то живое.

— Что это у вас? — спросил я.

— Бельчата.

— Откуда вы их взяли?

— Из дупла. Мы сейчас все расскажем. Их сначала покормить нужно. У вас нет молока?

Вася заметно волновался.

— Ты успокойся, — сказал я ему. — Молока мы, конечно, достанем. Рассказывайте, что произошло.

— Сейчас, мы только ноги вытрем в коридоре.

— Ну хорошо, идите вытирайте, — сказал я, взглянув на грязную лужу у ног мальчиков.

Я принял у Васи из рук фуражку и заглянул в нее. Там копошились три бельчонка, тоненькие, большеголовые, величиной не больше мышей. Пока приятели за дверью старательно шаркали ногами по тряпке, я достал большой картонный ящик, настелил в него тряпок и переложил туда бельчат.

Мальчики вошли.

— Ну, садитесь, рассказывайте теперь, — попросил я.

— Да что рассказывать-то! Белку нашу убили. Вот и все, — с горечью выпалил Коля Левин. — А детишки ее теперь сиротами остались.

— Что за белка? Кто убил ее? Почему она «ваша»?

— Нашли мы ее, — заговорил Вася и по школьной привычке поднялся с места. — Помните, вы на краеведческом кружке объясняли нам, как надо наблюдать за животными на воле?

— Помню, помню, ты садись только.

— Ничего, я так. Мы с Колей отыскивали в лесу белку и давай наблюдать за ней. Это давно было, недели три тому назад. Белка тогда мох и сухую траву в одно дупло таскала. Мы поняли, что у нее бельчата скоро родиться должны. Стали каждый день туда ходить, журнал наблюдений завели. Уж три страницы исписали. Белка сначала боялась нас, а потом привыкла. Один день она совсем не показывалась из дупла. Мы ухо приложили к дереву и слышим: в дупле кто-то возится и попискивает. Мы в тот день записали, что бельчата родились. А сегодня идем — слышим, выстрел. Мы побежали. Смотрим, идет какой-то парень с ружьем и нашу белку к поясу привязывает. Спрашиваем, зачем нашу белку убили, а он смеется. «В этом лесу, говорит, все белки мои», — и пошел. Залезли мы на дерево и достали бельчат. Они все равно бы погибли. Мы сначала сами хотели их воспитывать, а Коля говорит, вам надо бельчат отдать, вы лучше понимаете, как с ними обращаться, а мы вам помогать будем.

Я успокоил ребят, как мог, пообещал им сделать все возможное, чтобы сохранить бельчат живыми, повозмущался с ними по поводу поступка этого горе-охотника. На самом деле: в весеннюю

пору белки линяют, и шкурки их совсем бесценны. Парень убил белку безо всякой надобности — это было ясно.

Ребята немного успокоились и ушли.

Передо мной остался ящик с беспомощными зверушками. Все сложные обязанности мамы-белки ложились отныне на меня.

Прежде всего я решил рассмотреть как следует своих подопечных, выложил их на кровать. Бельчата сейчас же расплозились по одеялу. Вид у них был самый жалкий. Шерстка, рыженькая на боках и белая на брюшке, была еще очень короткая и не грела их. Они дрожали, неуклюже тыкались носиками в подушку и тихонько пищали. Хвостики у них были совсем тоненькие, нисколько непохожие на пышные хвосты взрослых белок. Глазки большие, мутные, еще совсем глупенькие. Лапки тонкие и слабые с длинными пальчиками. Один бельчонок свалился с кровати, ударился мордочкой о пол и задрожал частой дрожью, широко расставив лапки.

Я сложил своих малышей обратно в ящик и отправился к соседям за свежим козьим молоком. Ради исключительного случая козу подоили раньше времени, и я принес домой полстакана теплого парного молока. Но самое трудное только еще начиналось.

Бельчата никак не хотели лакать из блюдечка. На какие только ухищрения я не пускался! Мазал им губы молоком, приспособив для кормления бумажный кулечек, тыкал их мордочками в блюдце. Бельчата чихали, но не проглотили ни капли: молоко заливалось им в нос. Тогда я взял одного бельчонка, перевернул его на спинку и стал пипеткой капать ему молоко в рот.

Зверек извивался в руках, кашлял, захлебывался, но не глотал.

Во время этой канительной процедуры каждый из бельчат успел искупаться в блюдце. Шерстка на них слиплась, и они дрожали пуще прежнего. Пришлось снимать с них молоко промокашкой и сушить каждого в отдельности над электрической плиткой. Пересушив таким образом бельчат, я опять сложил их в ящик, прикрыл сверху ватой и побежал в аптеку за соской.

Но и с этим меня ждала неудача. «Беличьих» сосок в аптеке, разумеется, не было, а все мои старания приспособить детскую

соску для выкармливания зверушек только измучили и меня и бельчат.

Поздно вечером сидел я расстроенный у печки и ломал голову над тем, как заставить их кушать. Из ящика слышались писк и возня голодных бельчат.

Утром меня разбудил тот же жалобный писк. Он напомнил мне все неудачи вчерашнего дня и всю сложность моих обязанностей.

Через час Вася и Коля встретили меня около школы. Мой отчет, как и следовало ожидать, очень расстроил ребят.

— Еще не все кончено, — попытался я их успокоить. — Сегодня постараюсь найти кошку с котятами: может, она их выкормит.

Вася Решетин даже подскочил:

— Да ведь у нашей кошки три дня тому назад котята вывелись!

— Ну вот, на что лучше, к вам и пойдем, — обрадовался я.

В тот же день после занятий Васина мама, улыбаясь, привела нас в угол, где стояла корзина с кошачьим семейством.

Кошку мы бесцеремонно выселили за дверь и не пускали к котятам, несмотря на ее отчаянное мяуканье. Целый час мы с Васей перемешивали бельчат с котятами, чтобы лесные создания приобрели кошачий запах. Бедная кошка, полагая, что ее дети подвергаются пыткам, если они так отчаянно пищат, совсем охрипла за дверью.

Но вот мы открыли дверь. В два прыжка кошка оказалась у корзины. И... ужас! Наш обман был сейчас же обнаружен. Кошка вдруг оцетинилась, схватила одного бельчонка за шиворот и, урча, поволокла его под кровать. Вася мгновенно оказался там же, и под кроватью началась жуткая возня.

Я тем временем поспешно переложил двух оставшихся бельчат из корзины обратно в ящик. Скоро вылез запыхавшийся и запыленный Вася. Он подал мне третьего бельчонка. В том месте, где кошка укусила его за шкурку, выступила капелька крови.

Через полчаса рыжие подкидыши снова водворились в моей комнате и пуце прежнего надрывались жалобным писком.

Сколько забот, сколько волнений внесли они в мою жизнь!

Я ничем не мог заниматься спокойно, ни на чем не мог надолго сосредоточиться.

Беспокойный писк голодных зверушек раздавался до самой ночи. А когда я все же заснул, мне приснилось, будто бельчата начали вдруг кушать все подряд.

Наутро я снова взял у тети Даши козьего молока и решил повторить попытку накормить своих «мучителей». На этот раз у меня не было почти никакой надежды на успех. Ведь бельчата третий день были без пищи и ослабели настолько, что даже пицать стали как-то безучастно, будто исполняли нудную обязанность.

Я скрутил из ватки тугой жгутик, намочил его в молоке и, вытащив одного бельчонка, вставил ему этот жгутик в рот. То ли новый способ оказался правильным, то ли невероятный голод пробудил в бельчонке инстинкт самосохранения — не знаю, но он начал сосать. Да еще как сосать! Когда я вытащил у него изо рта жгутик, чтобы намочить его снова в молоке, бельчонок судорожно задрожал и потянулся за соской. Он высасывал одну порцию молока за другой и тянулся еще и еще. Милый зверек! Сколько радости доставил он мне своей жадностью! Впервые за время поселения в моей комнате бельчат ко мне вернулось хорошее настроение и покой.

Я достал из ящичка второго и после небольших усилий накормил и его. Третий несколько раз захлебнулся, отрывисто кашлял, чихал, брызгая молоком, но тоже, наконец, приспособился сосать как полагается.

Сытые бельчата тотчас заснули. Тишина, от которой я успел уже отвыкнуть, снова воцарилась в комнате.

С этого дня все пошло на лад. Раз пять-шесть в день я кормил бельчат свежим козьим молоком, добавляя в него сахар. Ежедневно приходили Вася и Коля со своим «Журналом наблюдений» и делали в нем мудрые записи вроде следующих:

«...24 апреля. Бельчата продолжают расти. Длина от носика до конца хвостика у двух — 12 сантиметров, а у третьего — 14 сантиметров. Они уже цепляются за пальцы, начинают играть. Коготки на лапках — темнокоричневые, длинные, загнутые».

«...2 мая. Они становятся очень хорошенькие. Глазки теперь блестят, стали умненькие. Кушают белый хлеб, смоченный в

молоке. Бегают, лазят по штанам и рубашке до самой головы».

На самом деле, зверушки быстро росли и хорошели день ото дня. Они уже сами лакали из блюдечка, ловко работая розовыми язычками. Одного молока им становилось уже недостаточно. Я подкармливал малышей сухим компотом и ядрышками от винных ягод. Получив по ядрышку, бельчата рассаживались на стуле на задних лапках спинками друг к другу, а цепкими передними лапками ловко вращали сладкое зернышко, снимая с него один слой за другим острыми зубами. Ящик они теперь оставили окончательно. Целый день носились по комнате друг за другом и творили иногда страшный беспорядок. Жизнь их стала настолько занимательной, что я по примеру Васи и Коли решил завести свой дневник наблюдений.

Вот некоторые мои записи оттуда.

9 мая. Сегодня после небольших споров мы с ребятами дали имена каждому бельчонку. Самого крупного, у которого по спинке тянется темный ремешок, мы назвали Буяном, так как он является затейником самых шумных игр. Самочку с чистым белым ошейником решили звать Любой, а другую, которая избегала резвых игр, — Соней.

Теперь бельчата по внешнему виду напоминают взрослых белок. У них такие же пушистые хвостики, мягкая блестящая шкурка, на больших ушках отрастают кисточки.

Все они необычайные чистюли. Туалетом занимаются раз по десять на день. Сидя на задних лапках, вылизывают вначале шерстку там, где могут достать язычком, а затем довершают туалет смоченной лапкой. Хвостики же перед прилизыванием расчесывают коготками. Когда их гладишь, они выгибают спинки, как котята.

Кушают теперь почти все: молоко, хлеб, печенье, орехи, семечки из еловых шишек, сырые яйца. Сегодня лакомились свежей травкой, которую я им принес в кармане.

17 мая. С каждым днем игры моих рыжих бесенят становятся все живее. Начинает всегда Буян. Он поминутно наскакивает на Любу и Соню, раззадоривает их и пускается наутек. По полу они почти не бегают, а летают по комнате со стола на полку, с полки на шкаф, со шкафа на оконную занавеску, оттуда на картину и т. д. Прыжки их настолько легки, грациозны, что не

любоваться ими при этом невозможно... Вот и сейчас мелькают над моей головой их белые брюшки. Буян только прикасается лапками к предметам и сейчас же отрывается и летит, прикоснется и снова летит. Любочка не уступает ему ни в быстроте, ни в ловкости. Соня же иногда срывается и летит на пол, распушив хвостик, который служит ей в этих случаях парашютом. Если я стою посреди комнаты, то зверушки пользуются моей головой, как добавочной площадкой. От их цепких лапок волосы мои взлетают то в одну, то в другую сторону. Иногда они гоняются друг за другом по моим брюкам и пиджаку обязательно по винтовой линии, как это делают взрослые белки, спасаясь от преследования.

Когда резвость бельчат выводит меня из терпения, я начинаю кричать на них. Они останавливаются и с удивлением смотрят на меня.

Но сердиться долго на этих забавных зверушек нельзя. Я сажусь писать, а Любочка забирается ко мне на плечо и принимается лапками расчесывать мне волосы. Затем она перебирается к моей щеке и, обдавая меня теплым дыханием, лижет мое ухо. Вдруг шевелящийся конец ручки привлекает ее внимание. Любочка спускается пониже и пытается лапкой поймать этот конец. Ей это удается, и у меня по листу прочеркивается грязная кривая линия. Я сталкиваю белочку с плеча, она с недовольным урчанием перебирается ко мне в карман, где иногда можно найти кое-что вкусное. Но на этот раз она глухо чихает. Кроме табачной пыли в кармане ничего не оказывается.

21 мая. После игр бельчата обычно ложатся спать. Днем они приспособились спать под подушкой, а на ночь перебираются ко мне под одеяло. С первым еще можно помириться, потому что бельчата очень чистоплотны, но второе причиняет мне немало беспокойства. Зверушки все забираются ко мне под бок. Я боюсь раздавить их и отодвигаюсь. Они опять подползают под меня, сгоняя меня на самый край кровати. Сегодня ночью я даже свалился на пол.

Пора положить этому конец. Сонных бельчат я перекладываю в их ящик и прикрываю толстой доской. Но из-под доски сейчас же раздается такой жалобный писк и такое уморительно-грозное цоканье, что заснуть мне никак не удастся. Поваляв-

шись с полчаса в тщетных попытках уснуть, я открываю ящик, и довольные зверушки забираются под одеяло.

23 мая. Семиклассники давно уже просили меня принести им показать бельчат. Они даже причину нашли: когда-то мы изучали отряд грызунов, у нас ни одного наглядного пособия не было, кроме рисунков в учебнике зоологии.

Сегодня, отправляясь в школу, я взял в карман Соню, как самого спокойного бельчонка. Я знал, что седьмой класс соберется на консультацию к экзаменам, и я смогу показать им рыженького грызуна. Почти до самой школы дорога идет через лес. Соня вела себя беспокойно. Она поминутно высовывала из кармана головку, вертелась во все стороны, втягивала в себя весенний воздух, пахнувший прелыми листьями и свежей зеленью, возбужденно цокала. Весенний лес с птичьим щебетанием, опьяняющим ароматом, с порывами теплого ветра возбуждал в зверьке тревогу, а, может быть, и бессознательную жажду свободы. Однако Соня не убежала, хотя я не держал ее.

Она выскочила из кармана только в учительской, решив, повидимому, что мы пришли домой. Но незнакомая обстановка, масса новых людей, шумный говор сразу показали ей, что она ошиблась. Белочка в испуге заметалась по комнате и забилась под конец за книжный шкаф. Выдворить ее оттуда помогла мне уборщица. При виде половой щетки Соня выскочила из-за шкафа, проворно взлетела по моим брюкам и юркнула в карман под дружный хохот учителей.

Зато в классе Соня вела себя вполне прилично. Она взяла у меня с ладони несколько миндальных ядрышек, запихала их сначала за щеку, потом спрыгнула на классный журнал, выплюнула весь запас на обложку и, усевшись столбиком, стала демонстрировать притихшим ученикам, как кушают благовоспитанные белочки. Соня зажимает в обеих передних лапках, как в кулачках, по ядрышку и не спеша беззвучно обтачивает их, вращая перед ртом.

На задней парте кто-то фыркает. Белочка вздрагивает, поспешно прячет свое богатство за щечку и прыгает ко мне на плечо.

Я сажаю ее в карман и начинаю рассказывать ученикам о жизни белок на воле.

Ребят удивляет необычайная цепкость беличьих лапок, позволяющая им захватывать и удерживать различные предметы. Я объясняю, что эта способность развивалась у белок на протяжении тысячелетий благодаря их жизни на деревьях. Белки на воле только в исключительных случаях спускаются на землю: пособирать грибы, которые они засушивают на сучках, орехи или спелые желуди. Все это складывается ими на зиму в укромных кладовых: под корнями, в дуплах старых деревьев.

Основным же кормом белок зимой являются семена еловых шишек. Эту пищу они получают, не спускаясь на землю.

Как известно, урожай еловых шишек бывает не ежегодно и не во всех местах одновременно. Голод заставляет иногда белок совершать длительные и опасные путешествия в поисках елового леса со свежими шишками. При таких путешествиях они пересекают большие пространства степей, переплывают реки. В лесу белки всегда прыгают по верхушкам деревьев. Длинные и сильные задние лапки позволяют им делать прыжки до пяти метров в длину. Причем во время прыжка эти зверьки могут даже изменять направление в воздухе. В качестве руля им служит пушистый хвост. Он же заменяет им парашют, когда белка, спасаясь от своего злейшего врага — куницы, бросается с вершины высокого дерева на землю. Тем же хвостом они укрываются, как одеялом, во время сна.

В конце нашей беседы ребята просят еще раз показать им зверька. Белочка успела заснуть у меня в кармане и недовольно цокает, когда я вытаскиваю ее на свет. Так спящей я и принес ее домой.

27 мая. Вася и Коля сдают экзамены и белочек почти не навещают. Журнал их лежит на моей полке. А в него теперь можно было бы записать столько интересного.

Бельчата сейчас стали необычайно любопытны. Все предметы в комнате подвергаются их изучению. Метод изучения у них такой: вначале вещь обнюхивается, затем исследуется на вкус и на твердость и, наконец, на вес — можно ли предмет поднять передними лапками или, по крайней мере, подвинуть его на край стола и скинуть вниз.

В результате такого «исследования» разбиты две чашки, блюдце, флакон одеколona, обгрызан уголок мандолины.

А сегодня у меня пропали дорогие карманные часы. Я сразу заподозрил бельчат. Блестящие предметы вообще очень нравятся моим малышам, но часы — в особенности, потому что они не только блестят, но и тикают. Когда часы у меня в кармане, а белочки лезят по мне, то тиканье часов их не удивляет. Они, видимо, уверены, что это я сам так тикаю от нечего делать. Но стоит мне выложить часы на стол, как вокруг них сейчас же начинают мелькать пушистые хвостики и раздается возбужденное цоканье.

Утром, отправляясь в школу, я забыл часы на столе, а по возвращении не нашел их на месте. Поиски были безуспешны, часов нигде не оказалось. Тогда я с сердцем откинул подушку на кровати. Все три бельчонка спали под ней, сбившись в комок.

— Куда дели часы, белопузые! — накинулся я на них. — Вот оборву вам кисточки на ушах, чтобы не хватали!

Бельчата повыгнули спинки, потягиваясь после сна, потом пораспрямяли поочередно лапки и, наконец, уставились на меня с самым невинным выражением: «Какие, мол, часы? Не брали мы никаких часов! Очень нам они нужны!»

Однако пропажа оказалась все же делом их цепких лап. Вечером я обнаружил часы в собственном ботинке, под кроватью.

5 июня. У Васи и Коли экзамены закончились, и они теперь ежедневно навещают мою квартиру. За несколько дней их «Журнал наблюдений» пополнился новыми записями. Я просматриваю их, но со многими заключениями ребят не соглашусь: слишком сознательными даются в этих описаниях поступки бельчат. А зверьки, по-моему, просто проказники — больше ничего.

Сегодня, например, меня не было дома часа четыре. Когда я открыл дверь, мне показалось, будто в комнате за мое отсутствие произошло землетрясение. Все книги с полки были сброшены на пол и валялись около осколков разбитого графина. Чернила на столе разлиты, и чернильными следами испещрена белая скатерть на столе, розовое покрывало на кровати. Даже на оконной занавеске были отпечатаны маленькие лапки.

Это все значило — мои воспитанники решили немного порезвиться. Порезвились и спят безмятежно под подушкой в громадной чернильной кляксе.

— Хватит! — решил я. — Выкормил вас на свою шею. Теперь извольте сами добывать себе корм в лесу!

Сонных бельчат я положил в большие карманы своей куртки и ушел в лес. Там я вытащил их и пустил на зеленую травку: бегите, куда хотите!

Мои белочки тревожно зацокали, пометались по полянке и быстро взобрались на высокую старую сосну. Они и там трещали, как сороки, прыгая с ветки на ветку и удивляясь незнакомой обстановке. На меня они даже и не взглянули.

Я полюбовался на их радость и стал тихонько уходить к дому, поминутно оглядываясь. На душе было как-то тревожно. «Вот, — думал я, — сколько трудов на них потратил, а они даже не попрощались как следует. А как тихо будет теперь в моей квартире без них!»

Резкое карканье над самой головой прервало мои размышления. Над лесом пролетела большая ворона и села на то самое дерево, куда забрались мои питомцы. Сердце у меня тревожно забилось. Как бы не натворила беды эта хищница моим малышам. Они ведь еще такие неопытные. Я сделал несколько шагов назад. Неожиданно в траве замелькал рыженький комочек. Соня со всех ног бежала мне навстречу. Она с разбегу взлетела по моим брюкам и юркнула в карман. За ней проделала то же Любочка, только та не могла с перепугу сразу попасть в карман. Наконец, и Буян с тревожным фырканием и цоканием оказался около своих подруг. Над моей головой опять каркнула ворона. Без сомнения, это она потревожила зверушек.

Я был очень рад возвращению своих питомцев, но не удержался все же от нотации: «Вот, видите, — сказал я рыжим проказникам, которые еще нервно возились в карманах, — как страшно маленьким зверушкам в лесу! А у меня вам было и сытно и безопасно, а вы не цените этого — шалите!»

В этот же день я достал большой деревянный ящик, проволочную сетку и построил бельчатам просторную высокую клетку. Во время моей работы зверьки не отходили от меня ни на шаг. Они вертелись среди досок, рассыпали гвозди, заскакивали раньше времени в ящик и обнюхивали там каждый сучок.

Но вот клетка готова. В середину я поставил большую

сосновую ветку, чтобы бельчатам упражняться в лазании, внизу постелил сена и пригласил бельчат на новоселье.

Вначале новое жилище им очень понравилось. Они стали носиться друг за другом по ветке, перепрыгивали на сетку, с нее ловко кидались на стенку, потом опять на ветку и т. д.

Я был очень доволен: теперь в комнате будет порядок! Но не тут-то было! Через час бельчатам снова захотелось на волю. Они все трое висели на сетке и не сводили с меня умоляющих глаз: «Выпусти, мол, ну что тебе стоит».

И вот рыжие «разбойники» опять на свободе. «Убирай, хозяин, подальше все бящееся! Закрывай чернильницу, занавешивай полку!»

11 июня. У моих бельчат появился враг. Враг кровожадный, лютый, совершенно недоступный чувству сострадания. У него широкая грудь, сильные мускулистые лапы и необычайно широкая пасть, из которой свисает длинный мокрый язык.

Зовут его Рамсом. Он караулит дачу одного профессора, который на днях переселился в наш лесной поселок вместе с семьей.

С того дня, когда я убедился, что бельчата даже из леса добровольно возвращаются в мои широкие карманы, я часто стал выносить их порезвиться на лесную полянку неподалеку от дома.

Они обычно сразу залазят на деревья и носятся там по вершинам, только изредка спускаясь ко мне на землю, где я лежа пристраиваюсь читать книгу.

Я рассуждал так: если зверькам воля дороже — пускай остаются в лесу. Если они достаточно привыкли ко мне — они и так вернуться.

И в самом деле, каждый раз зверьки натыкались в лесу на что-то страшное и стремглав летели ко мне спасаться в надежные карманы. Тогда я относил их домой, где они быстро успокаивались. Дачники в шутку звали меня «беличьим пастухом».

Сегодня едва белочки успели скрыться в спасительные карманы, как передо мной вырос Рамс. Он тоже было сунул свою морду в карман. Я вскочил. Рамс залился надрывистым обиженным лаем. А тут еще Буянчик, чувствуя себя в безопасности, высунул головку из кармана и процокал что-то по адресу

собаки, надо думать, очень обидное, потому что Рамс так и кинулся к карману. Буян, конечно, мгновенно скрылся, и я, с трудом отогнав пса, поспешил утащить бельчат домой.

19 июня. Мне так и не удастся больше выпустить бельчат побегать по лесу. Стоит только показаться из дома, Рамс уже тут как тут. Он кидается к карманам, лает, визжит, завывает на все лады от страстного желания растерзать бельчат. Он считает, что имеет на это законнейшее право. Он ненавидит их за то, что они, такие маленькие, слабенькие, осмеливаются показывать в его присутствии головки из кармана и цокать на него. Он ненавидит и меня за то, что я оказываю бельчатам покровительство, укрываю их от его заслуженной кары.

Я ухожу далеко в лес, но Рамс неотступно следует по пятам, выскуливает жалобные ноты, не сводя глаз с кармана, где притихли его враги. И каждый раз я снова приношу бельчат домой, даже не выпустив их на землю.

27 июня. Кроме постоянных посетителей — маленького веснушчатого Васи и неразговорчивого серьезного Коли — ко мне приходит полюбоваться на «комнатных» белочек еще много народа. Приходят мои ученики, их родители, дачники. За «экскурсовода» выступает, как правило, Вася. Его слушают внимательно, как настоящего ученого зоолога.

Почти ежедневно приходит одна отдыхающая на даче артистка Валентина Сидоровна. Она очень недовольна, если застает у меня дома целую экскурсию. Она ревнует бельчат даже ко мне.

Ежедневно бельчата получают из рук артистки дорогие гостинцы, до шоколада включительно. Бельчата с аппетитом кушают все, что дает им Валентина Сидоровна, но свою «благодетельницу» все-таки не любят. Уж очень сильно она тискает их своими полными руками. Кроме того, от артистки всегда пахнет духами, помадой, пудрой, а мои зверьки к этому не привыкли.

Сегодня Валентина Сидоровна так крепко прижала к щеке Буяна, что несчастный зверек после тщетных стараний вырваться укусил артистку за палец.

3 июля. Вася с Колей занялись дрессировкой бельчат. Они сделали кольцо из ивового прутика и, приманивая бельчат

лакомствами, заставляют их прыгать через это кольцо. Мальчики раздобыли томик Владимира Дурова и носят его с собой. Интересно смотреть на юных дрессировщиков, когда они, сидя на корточках и держа в руках по бельчонку, сверяются по книге, насколько верно они дрессируют.

«Журнал наблюдений» ведется ими регулярно. Но этот журнал пестрит такими тонкостями из зоопсихологии, что у меня голова кругом идет, когда я читаю их записи.

7 июля. Дело у ребят явно идет на лад. Бельчата уже ловко прыгают в кольцо, даже не видя лакомства. Но терпения у зверьков хватает ненадолго. Буян самый способный в дрессировке, но зато и самый нетерпеливый: прыгнет раза три и убегает. А Любочка с Соней — за ним.

При каждой неудаче ребята опять перелистывают книгу знаменитого дрессировщика и сосредоточенно выискивают в ней способы воспитания терпения у животных.

15 июля. Случилось это три дня тому назад, но я не записывал все это время в дневник и даже забыл про него. Я и не предполагал раньше, что к маленьким зверюшкам можно так

привязаться и так переживать гибель одного из них и пропажу второго. Третий день как Сони не стало, а Буян сбежал.

Произошло это так.

Двенадцатого числа я решился, наконец, вынести бельчат погулять. Прежде чем вынуть их из кармана, я еще раз огляделся во все стороны.

Рамса нигде не было видно. Тогда я вытащил Буянчика и пустил его в высокую траву, в которой его почти не стало видно. Вслед за ним выскочила Соня. И тут как из земли вырос Рамс. Соня мгновенно вскочила ко мне на брюки, но не успела нырнуть в карман. Кляцнули сильные челюсти, и белочка забилась в зубах у собаки. Я что было силы ударил Рамса ногой. Тот взвизгнул и, бросив свою добычу, пустился наутек.

Соня вздрогнула несколько раз у меня на руках и затихла. Много ли надо такому маленькому зверьку?! Тогда я кинулся искать Буянчика и нашел его на верхушке дерева, довольно далеко от места происшествия.

Целый час звал я его, чтобы он спустился вниз. Бельчонок то спускался до нижних веток, то с тревожным цоканьем взбегал вверх.

Раньше я сам собирался выпустить бельчат, а сейчас мне почему-то хотелось, чтобы они были дома, в полной безопасности.

Я стал бросать в Буянчика сосновыми шишками. Один раз удачно попал в него. Бельчонок спланировал на землю с шестиметровой высоты, распушив до отказа хвост, но, едва коснувшись земли, снова взлетел по стволу до самой вершины.

Тогда я оставил его в покое и вернулся домой, притащив в кармане одну Любочку и трупик Сони.

После обеда пришли мальчишки. Они очень грустили. Дети схоронили Соню где-то в лесу.

23 июля. Любочка, наконец, успокоилась. Сегодня она снова резвится, прыгает, снова тщательно умывается. Мне же казалось, что без своих товарищей белочка так и останется неподвижной и скучной. Все эти дни она часами просиживала у окна, глядя на качающиеся от ветра верхушки сосен, редко умывалась, плохо кушала.

Зато ее привязанность ко мне, кажется, стала еще больше.

Ей нравится сидеть у меня на плече или тереться мордочкой о щеку.

Сегодня в первый раз с того времени, как Любочка осталась одна, она снова начала прыгать в кольцо. До этого она вырывалась у своих юных дрессировщиков и убегала на шкаф. Зато сегодня Вася с Колей просто сияли от счастья: Любочка без всякой приманки, добровольно раз двадцать грациозно пронесла свое красивое тельце через кольцо, даже не задев его хвостом.

Мальчики пророчат ей блестящую артистическую будущность. Вася от такого успеха немедленно решил стать профессионалом-дрессировщиком и выступать с Любочкой в цирке. Рассудительный Коля пристыдил его: «Мы ведь не для цирка ее дрессируем, а для школы».

30 июля. Ребята не приходили два дня. Я уже начал беспокоиться — не случилось ли чтонибудь. Но сегодня они снова явились и не с пустыми руками. Они притащили искусно сделанное из ивовых прутьев и палочек большое вращающееся на оси колесо с перекладинами. Сколько же они провозились, чтобы сделать такое сооружение по картинке из книги?!

Любочка сразу страшно заинтересовалась новинкой, будто поняла что это сделано для нее. Она прыгала вокруг колеса, отрывисто цокала, задевала за обод лапкой, вертела хвостиком.

Как только мы положили белочку на колесо, она тотчас помчалась по перекладинам вверх. Колесо завращалось все быстрее и быстрее. От такого успеха мы все трое замерли на месте. Ребята думали: чтобы научить Любочку бегать в колесе, надо потратить по крайней мере месяц. А оказалось, что она как будто только и ждала этой забавы.

Колесо бешено вращалось перед нами, а внутри его, молниеносно перебирая лапками, скакала Любочка. Но вот белочка сделала прыжок в сторону и села столбиком на столе, а колесо продолжало еще вращаться. Через несколько минут она снова сама прыгнула на перекладины, и снова началась та же грациозная скачка, так что ветер от колеса шевелил листы бумаги на столе.

Новая забава привлекала белочку целый день. Побегав по комнате, она, к нашему восторгу, снова и снова принималась за

свое искусство. Ребята ушли в этот день домой совершенно счастливыми.

7 августа. Я уезжаю в дом отдыха. Любочку Вася и Коля торжественно понесли к себе в той самой клетке, которую я соорудил для трех бельчат. Клетка до сегодняшнего дня стояла у меня в деревянном сарае. Теперь она пригодилась. Колесо ребята, разумеется, тоже взяли.

Собирая вещи в дорогу, я обнаруживал во всех углах комнаты различные продукты: в ботинке оказалось два куса сахара и печенье, за шкафом — несколько сухарей, на посудной полке — сушеные груши.

Я догадался, что Любочка, подчиняясь инстинкту, начала делать запасы на зиму, как это делают все белки на воле. Да и в самом деле, Любочка стала совсем взрослой белкой.

Вернулся я через три недели. Прямо с вокзала зашел к Васе. Мальчик встретил меня с необыкновенно печальной физиономией. Оказалось, Любочка убежала за три дня до моего приезда, воспользовавшись тем, что Вася забыл запереть дверцу клетки.

Я успокоил мальчика, заверив, что белке будет лучше на воле. Правда, она не успеет сделать достаточно запасов на зиму, но с голоду все же не умрет: в лесу еще очень много еловых шишек.

... Зимой я проезжал на лыжах по лесу километрах в трех от дома. Услышав над головой привычное беличье цоканье, я оглянулся и заметил, что по раскидистой елке ко мне спускается белка. Это была Люба. Ее сразу можно было узнать по белому ошейничку, хотя на моей питомице сейчас была уже не рыжая, а серебристо-серая зимняя шубка. Любочка спустилась ко мне до самых нижних веток, оживленно щебетала, но спрыгнуть на протянутую к ней руку так и не решилась — успела уже одичать.

Последний раз я видел ее в апреле, примерно, в том же месте. Был солнечный день. Лес исходил теплой весенней влагой. С высокой сосны мне на голову посыпался какой-то сор. На ветке сидела Любочка снова в рыжей шубке. На этот раз она узнала меня только тогда, когда я стал звать ее по имени. Видно, какие-то неясные воспоминания возникли в ее голове. Белочка часто-часто зацокала и нерешительно стала спускаться. Тут только я заметил, что за ней слезают еще трое рыженьких малышей,

точно таких, какой была сама Любочка прошлый год в это время.

Любопытные зверюшки так и тянулись ко мне, желая хорошенько рассмотреть невиданное существо. Без сомнения, это были Любочкины детеныши. Их бесцеремонное любопытство встревожило мамашу. Она начала сердито цокать на них, отгонять с нижних веток. На меня она уже не обращала внимания.

Я потихоньку пошел прочь, не желая доставлять Любочке беспокойство. Один из бельчат соскочил на землю и неуверенно запрыгал за мной вслед. Тотчас Любочка оказалась тоже на земле. Она подхватила зубками за шиворот своего не в меру любопытного детеныша и мигом взлетела с ним по стволу.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Зорик	3
2. У лесной речки	34
3. Колюч-Иголкин	42
4. Беспокойные питомцы	52

ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Виктор Сергеевич Балашов
Беспокойные питомцы

Редактор *М. Н. Старостин*
Оформление художника *М. Н. Глухова*
Художественный редактор *С. И. Косых*
Технический редактор *А. И. Щербаков*
Корректор *О. П. Долгановская*

Сдано в набор 18/VII 1956 г. Подписано к печати
14/IX 1956 г. Тираж 15 000 экз. Формат
70×92¹/₁₆. Физ. печ. л. 4,50, Усл. печ. л. 5,27.
Уч.-изд. л. 4,05. Цена 1 руб. 45 коп.
Куйбышевское книжное издательство,
г. Куйбышев, Молодогвардейская, 59.

9-я типография имени Мяги областного управле-
ния культуры, г. Куйбышев, ул. Венцека, 60.
Заказ № 1276.

1 р. 45 к.

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1956